

На правах рукописи

Муратова Римма Талгатовна

**БАШКИРСКИЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ:
ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И СТРУКТУРНО-
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ**

Специальность 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Абакан – 2025

Работа выполнена в отделе языкознания Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Научный консультант:

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна,

доктор филологических наук, профессор

**Официальные
оппоненты:**

Абдуллина Гульфира Рифовна,

доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, декан факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уфимский университет науки и технологий»

Малышева Нинель Васильевна,

доктор филологических наук, доцент, профессор Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова»

Напольнова Елена Марковна,

доктор филологических наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». Институт стран Азии и Африки

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Защита состоится «16» октября 2025 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.430.01 по защите кандидатских и докторских диссертаций при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» по адресу: 655017, Республика Хакасия, г. Абакан, пр. Ленина, 92/1, ауд. 110.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» (https://khsu.ru/files/science/dissovet/gosatt/mrt/dissertacziya_muratova_rt.pdf).

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор филологических наук, доцент

А.Н. Чугунекова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование представляет собой первый опыт комплексного изучения лексики цветообозначений башкирского языка. В диссертации системному анализу подвергаются языковые единицы башкирского языка, обозначающие основные, оттеночные, смешанные цвета и масти лошади. Непроизводные названия цвета, состоящие из исконных и заимствованных лексем, анализируются с точки зрения их происхождения, развития и лексико-семантического содержания. Производные цветообозначения, образованные на их основе синтетическим и аналитическим способами, рассматриваются в структурно-словообразовательном аспекте.

Степень разработанности и актуальность темы исследования. На сегодняшний день лексическая группа цветообозначений в лингвистической науке исследована в разных направлениях и аспектах: историческом, лексико-семантическом, грамматическом, сопоставительном, когнитивном, функциональном, психолингвистическом, лингвокультурологическом и др. [Berlin, Kay 1969, Бахилина 1975, Алимбиева 1982, Фрумкина 1984, Вежбицкая 1996, Бижева 2000, Кульпина 2001, Норманская 2005, Кезина 2008, Василевич, Кузнецова, Мищенко 2014 и др.].

В тюркских языках цветоименования традиционно рассматривались через призму сравнительно-исторических, лексико-семантических, этимологических, этнолингвистических, ономазиологических и других исследований [ЭСТЯ 1974–2003, Кононов 1978, Молчанова 1985, 1986, 1988, Кормушин 2001, Майзина 2008, Мусуков 2009, 2019, Дыбо 2013, Саматов 2016, 2017, Малышева, Божедонова 2018, Габышева 2019, Сувандии 2019, Божедонова 2019, 2020, Улаков, Мусуков 2020 и др.].

Вопросы башкирских цветообозначений были затронуты в ряде работ, выполненных в области лексикографии, лексикологии, фразеологии, ономастики, этнолингвистики, мифологии и т.д. [Ураксин 1987, Камалов 1994, Усманова 1994, Файзуллина 2005, Хадыева 2005, Хабибуллина 2008, Ягафарова 2008, Хисамитдинова 2010, 2011, 2015, Ласынова 2012, Хусаинова, Габбасова 2013, Валиева 2017, 2018, Шаяхметов, Хусаинова 2020, Вакилова, Абдуллина 2022 и др.].

Однако в башкирском языкознании отсутствует комплексное и обобщающее исследование, охватывающее сравнительно-исторический, лексико-семантический и структурно-словообразовательный аспекты названий цвета.

Отметим, что цветообозначения – это одна из самых древних групп лексики любого языка, поэтому изучение данного пласта лексики может пролить свет на многие вопросы, связанные с историей конкретного языка или языковой семьи в целом. В этом плане не являются исключением и

цветообозначения башкирского языка, этимология и семантика которых изучены недостаточно полно. Рассмотрение генетических истоков башкирских цветообозначений и их лексической семантики на фоне других тюркских языков позволит выявить общее и специфическое в развитии цветообозначающей лексики башкирского языка.

Также следует подчеркнуть, что большинство работ в тюркологии были направлены на изучение цветообозначений, являющихся непроеизводными названиями. Другими словами, в тюркологических исследованиях основное внимание уделялось происхождению, развитию, семантике, функционированию колоративов, состоящих из одного корневого слова. Безусловно, группа цветообозначающих слов в тюркских языках не ограничивается только такого рода лексемами. Известно, что человеческий глаз способен различать около 30 000 оттенков цвета по цветовому тону, насыщенности, светлоте, для обозначения которых человек, не прибегая к поиску или созданию «новых» слов, может употреблять производные названия, образованные на основе базовых цветообозначений. Вместе с тем в тюркологии, в том числе и в башкирском языкознании, производные названия цвета изучены мало: например, не установлено, какие характеристики цвета могут обозначаться производными словами, также до сих пор не выявлены модели, по которым они могут образовываться, и т. д.

Наличие целого ряда нерешенных вопросов подобного характера, касающихся лексики цветообозначений, требует более детального и глубокого изучения названий для обозначения цвета в башкирском языке в плане их происхождения, развития, лексической семантики и структуры, что обуславливает актуальность данного исследования.

Актуальность темы также вызвана необходимостью исследования цветообозначений башкирского языка на основе анализа большого объема материала, представленного в электронных корпусах Машинного фонда башкирского языка, где собрано практически все лексическое богатство башкирского языка.

Известно, что цветообозначения являются активно развивающимся классом лексики, который все время пополняется новыми названиями (например, заимствованиями, производными). Базовые цветообозначения башкирского языка составляют названия исконного происхождения, относящиеся к пратюркским и общетюркским пластам лексики. Далее колоративную лексику башкирского языка пополняют заимствования и производные названия, образованные синтетическим (редупликацией и аффиксацией) и аналитическим (сочетанием двух или более слов) способами.

Процесс появления цветообозначений активно наблюдается и сегодня. В таких областях, как архитектура, дизайн, мода и т. д., где цветовое решение является одним из инструментов продвижения услуг и товаров, создаются

современные термины для обозначения тех или иных оттенков цвета (напр., русск. *античная латунь*, *полуночная слива*). В приведенных примерах оттенки цвета выражаются «нецетовой» лексикой, следовательно, возникает необходимость их обозначения в башкирском языке соответствующими названиями, которые расширят лексическую группу цветообозначений в его словарном составе.

В целом можно сказать, что широкое применение цвета в различных сферах человеческой деятельности и постоянное появление новых терминов для обозначения цветовых оттенков ставят задачу их системного изучения. Поэтому проблема цветообозначений в современном языкознании, в том числе и в башкирском, не теряет своей актуальности.

Объектом исследования является лексика цветообозначений башкирского языка.

Предмет исследования – генетические истоки и структурно-семантические особенности башкирских цветообозначений.

Цель диссертационной работы – исследование цветообозначений башкирского языка в сравнительно-историческом, лексико-семантическом и структурно-словообразовательном аспектах.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

1) выявить названия в башкирском языке, относящиеся к лексической группе цветообозначений;

2) определить количественный состав лексики цветообозначений в башкирском языке, опираясь на материалы словарей и других источников;

3) описать колоративную лексику башкирского языка с точки зрения ее генетических истоков;

4) изучить основные и дополнительные значения цветообозначений башкирского языка на фоне других тюркских языков и выявить их пратюркские, общетюркские, ареальные, пракрыпчакские и собственно башкирские особенности;

5) представить типологию башкирских колоративов в плане структуры и образования;

6) проанализировать особенности отражения цветообозначений башкирского языка в текстах разного типа.

Теоретико-методологической базой исследования являются труды и исследования российских и зарубежных лингвистов по проблемам цветообозначающей лексики, выполненные в различных направлениях и аспектах: а) историческом (Р.В. Алимбиева, Н.Б. Бахилина, Л.М. Грановская, А.П. Василевич, А.В. Дыбо, С.В. Кезина, С.Н. Кузнецова, Т.А. Михайлова, С.С. Мищенко, Ю.В. Норманская и др.); б) лексико-семантическом (Б. Берлин, П. Кей, А.А. Брагина, М.С. Садыкова, К. Саматов и др.);

в) грамматическом (З.П. Даунене, А.А. Кайбияйнен, Л.В. Судавичене и др.); г) сопоставительном (В.Г. Кульпина, И.В. Макеев, Т.Ю. Светличная, А.М. Тимофеева и др.); д) когнитивном (З.Х. Бижева, А. Вежбицкая, Т.И. Вендина, В.А. Москович, Е.В. Рахилина, С.Г. Тер-Минасова, С.Г. Шафиков и др.); е) функциональном (Е.В. Губенко, И.Н. Лукьяненко, Е.Г. Лысоиваненко, С.И. Меньчева, Г.К. Тойшибаева и др.) и т. д.

Теоретическую базу работы также составляют лингвистические исследования тюркологов, посвященные различным проблемам изучения цветообозначений в тюркских языках, в том числе и в башкирском языке (Л.Л. Габышева, М. Ганиходжаева, Р.Р. Закиров, Ж.У. Калимова, А.Н. Майзина, Н.В. Малышева, О.Т. Молчанова, Б.А. Мусуков, Е.В. Саввина, М.С. Садыкова, С.З. Садыкова, К. Саматов, Н.Д. Сувандии, З.Г. Ураксин, З.С. Файзуллина, Р.Н. Хадыева, Ф.Г. Хисамитдинова, Л.М. Хусаинова и др.), и основополагающие тюркологические труды, затрагивающие этимологический, сравнительно-исторический и лексико-семантический аспекты изучения названий цвета в тюркских языках (Р.Г. Ахметьянов, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, В.Г. Егоров, А.Н. Кононов, И.В. Кормушин, Л.С. Левитская, О.А. Мудрак, Э.В. Севортян, С.А. Старостин, Б.И. Татаринцев, М.Р. Федотов, J. Clauson, H. Vámbéry и др.).

Методы и приемы исследования. Цель и поставленные задачи обусловили использование в диссертации следующих методов исследования: это – сравнительно-исторический метод (при изучении происхождения слов, их эволюции, определении существования той или иной лексемы на разных этапах развития языка, поиске ее наличия или отсутствия в родственных языках), метод лексико-семантического анализа (при описании значений лексем), структурно-семантический метод (при изучении названий как в структурном плане, так и с учетом их значений), лингвокультурологический метод (при изучении национально-культурной символики того или иного цвета в духовной культуре народа), метод лингвистического картографирования (при определении ареалов распространения лексем и их значений).

Материал исследования. Для изучения цветообозначений в синхронии, диахронии, лексико-семантическом и структурно-словообразовательном аспектах привлекался широкий материал из источников разного плана.

Сведения по цветонаименованиям и их значениям, характерным для того или иного периода развития тюркских языков, приводятся из тюркских письменных памятников (древнетюркские, среднетюркские, новотюркские источники), тексты которых были опубликованы в разных изданиях [Вельяминов-Зернов 1868, Будагов 1869, 1871, Радлов 1893–1911, Houtsma 1894, Мелиоранский 1900, Абу-Науван 1931, Bang, Rachmati 1932, Battal 1934, Поппе 1938, Kaşgari 1939, 1940, 1941, Яфаров 1949, Малов 1951, 1952,

1959, Ahmed 1951, Щербак 1959, Боровков 1961, 1963, Хорезми 1961, Памятники древнетюркской письменности Тувы 1963, Зайончковский 1964, Документы на половецком языке... 1967, ДТС 1969, Курышжанов 1970, Clauson 1972, Наджип 1975, 1979, 2017, Кляшторный 1980, 1983, Codex Cumanicus 1981, Югнеки 1985, Гаркавец 1987, 2006, 2018, Ырк Битиг 2004, Кашгари 2005, 2010, Torparlı 2007, Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012, Yusuf 2019 и др.].

В качестве языкового материала по башкирскому языку выступили электронные корпуса текстов и базы данных: корпус прозы, который на данный момент включает 1300 произведений (15 211 551 словоупотребление), корпус фольклора, охватывающий 17 951 образец народного творчества (855 876 словоупотреблений), корпус публицистики, состоящий из 25 232 статей (12 203 865 словоупотреблений), башкирский поэтический корпус объемом около 450 000 стихотворных строк (более 1 800 000 словоупотреблений), диалектологическая база, включающая лексическую и текстологическую базы, базу данных диалектологического атласа, а также другие интернет-ресурсы. Следует отметить, что в вышеуказанных корпусах и базах данных имеется функция поиска комбинаций слов, что позволяет находить не только однословные цветообозначения, но и аналитические формы цветоименований, состоящие из двух и более компонентов.

Для изучения представленности цветообозначений в лексикографических трудах использовались толковые, двуязычные, терминологические и другие словари, включенные в лексикографическую базу Машинного фонда башкирского языка, а также многотомный «Академический словарь башкирского языка», в который отдельными словарными статьями вошли не только простые названия, состоящие из одного слова, но и имеющие одно устоявшееся значение словосочетания или словесные комплексы, в том числе и составные цветообозначения [АСБЯ 2011–2018].

Для поиска наличия родственных лексем, выявления их значений в современных тюркских языках использовались электронные корпуса тюркских языков [АККЯ, ПКТЯ, ТНК ТТ, ЭКХЯ] и лексикографические труды, во многих из которых представлены не только основные, но и большинство дополнительных значений цветообозначающих лексем [АРС 1941, КРС 1958, УРС 1959, УРС 1961, НРС 1963, ТРС 1966, КРТС 1968, ТРС 1968, ТувРС 1968, УРС 1968, КРС 1969, ЯРС 1972, ГРМС 1973, КРПС 1974, ТРС 1977, КРС 1985а, 1985б, ЧРС 1985, КБРС 1989, УРС 1989, ШРС 1993, Бектаев 1995, ТРС 2004, АРС 2006а, 2006б, 2006в, 2006г, ХРС 2006, ТРС 2007а, 2007б, Усеинов 2007, БТСЯЯ 2008, ТРС 2008, БРТС 2009, КРС 2011, АРС 2015, СТРС 2019].

Научная новизна исследования заключается в том, что, во-первых, в работе предложен новый подход к изучению цветообозначений башкирского языка, заключающийся в рассмотрении названий цветов во взаимосвязи с такими их физическими параметрами, как цветовой тон, насыщенность и светлота. Во-вторых, осуществлено комплексное исследование цветообозначений башкирского языка в сравнительно-историческом, лексико-семантическом и структурно-словообразовательном аспектах на фоне других тюркских языков. В-третьих, введен в научный оборот ранее не изученный материал, представленный в огромном массиве текстов – электронных корпусах и базах данных башкирского языка (корпус прозы, корпус фольклора, корпус публицистики, поэтический корпус, диалектологическая и лексикографическая базы Машинного фонда башкирского языка). В-четвертых, впервые методом картографирования выявлены ареалы распространения тех или иных названий цвета и их значений в тюркских языках.

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется его вкладом в дальнейшее развитие лексикологии, сравнительно-исторической тюркологии, этнолингвистики в области изучения цветообозначающей лексики. Предложенный новый подход к изучению названий цветов, заключающийся в рассмотрении названий цвета во взаимосвязи с их физическими параметрами, позволяет выделить общие законы, свойственные лексической семантике цветообозначений. Выдвигаемые гипотезы о происхождении слов, их эволюции, научные предположения о периодах появления значений лексем дополняют изыскания по цветонаименованиям тюркских языков. Методы, примененные при анализе большого объема текстов для изучения типов лексической семантики названий цвета, их сочетаемости с определяемыми словами, жанрово-стилевой и частотной характеристики, могут быть использованы при исследовании других семантических групп лексики башкирского языка.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования представляют общелингвистический интерес в плане рассмотрения теории восприятия человеком цвета и процесса его наименования на примере исследования материалов одного конкретного языка. Номинация, то есть лексическое обозначение цвета в башкирском языке, вызывает трудности не только у иноязычной аудитории, но и у носителей башкирского языка, особенно при употреблении названий для отдельных участков цветового спектра (напр., фиолетового, оранжевого), диалектных вариантов цветонаименований (напр., в говорах существуют различия в обозначении сине-голубо-зеленого участка спектра, коричневого, серого и других цветов), а также лексем, выражающих такие физические параметры цвета, как цветовой тон, насыщенность и светлота. В связи с этим

данное исследование проливает свет на ряд проблем, касающихся лексико-семантических особенностей цветообозначений башкирского языка, и может применяться при создании вузовских курсов по лексикологии, лексикографии, ономастике, фразеологии, словообразованию, этнолингвистике, лингвогеографии, лингвокультурологии, а также составлении программ, учебных, учебно-методических пособий, электронных образовательных ресурсов по башкирскому языку для учебных заведений различного уровня. Фактический материал, представленный в диссертации, может быть использован при сравнительном изучении цветообозначающей лексики в тюркских и других языках.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лексикку цветообозначений башкирского языка составляют названия, обозначающие цвет, сочетание цветов и масть лошади. Семантика цвета передается лексемами, которые отражают те или иные физические параметры цвета: а) цветовой тон, б) светлоту, в) цветовой тон и светлоту, г) цветовой тон и насыщенность. Окраска, состоящая из совокупности нескольких цветов, выражается названиями смешанных цветов. Масть лошади, характеризующаяся определенным сочетанием окраски их шерсти, гривы, хвоста, обозначается специальными терминами.

2. Формирование и развитие цветообозначений в башкирском языке происходит на протяжении всей истории его развития: одни названия выходят из употребления, другие появляются в языке, третьи подвергаются семантическим изменениям. На сегодняшний день лексика цветообозначений башкирского языка представлена в количестве около 980 языковых единиц, отличающихся по происхождению, структуре и образованию.

3. В плане генетических истоков колоративы башкирского языка подразделяются на два общих типа: а) названия тюркского происхождения, восходящие к пратюркскому и общетюркскому периодам; б) заимствования из других языков, представленные монголизмами, персизмами, арабизмами. Из 28 непроеизводных цветообозначений 19 являются исконно тюркскими, а 9 – заимствованными лексемами.

4. Значения цветоименований башкирского языка могут быть пратюркскими, общетюркскими, пракрыпчакскими, ареальными и собственно башкирскими. Пратюркские и общетюркские значения лексем являются более устойчивыми и распространенными в тюркских языках, в том числе и в башкирском языке. Ареальные, пракрыпчакские и собственно башкирские значения в системе башкирских цветоименований наблюдаются в незначительном количестве, что свидетельствует о том, что башкирский язык отделился от других тюркских языков в более позднее время, и лексика башкирского языка в семантическом плане развивалась главным образом в едином общетюркском русле.

5. По структуре башкирские колоративные единицы могут быть: 1) простыми или однословными, 2) сложными или неоднословными (то есть составными, состоящими из двух или более раздельнооформленных единиц). С точки зрения образования названия цвета подразделяются на непроизводные и производные, последние могут быть образованы синтетическим способом (аффиксацией, редупликацией) или аналитическим (сочетанием двух или более лексем). В количественном отношении структурно-словообразовательные типы башкирских колоративов представлены следующим образом: 28 непроизводных слов, 97 производных названий (со значением степени проявления признака) и 854 аналитических цветообозначения.

6. Особенности употребления цветообозначений башкирского языка нашли отражение в текстах разного типа. В письменных источниках тюрков прослеживается период фиксации названий цвета, представленных в современном башкирском языке: 17 непроизводных названий цвета встречаются в древнетюркских памятниках, 2 – в среднетюркских (среднекыпчакских), 7 – в новотюркских источниках. В устном народном творчестве башкир проявляется национально-культурная специфика названий цвета: 10 колоративов обладают выраженной символической семантикой, 9 цветоименований выступают этномаркерами, 7 участвуют в создании сакральных образов. Анализ материала электронных корпусов и баз данных раскрывает взаимосвязь семантики, сочетаемости и частотной характеристики цветообозначений в современном башкирском языке: чем больше у слова значений, чем выше у него сочетаемость и частота употребления в текстах.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были изложены и обсуждены на международных, Всероссийских научных и научно-практических конференциях: «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (Новосибирск, 2010), «Урал-Алтай: через века в будущее» (Горно-Алтайск, 2014), «Татарское языкознание в контексте Евразийской гуманитарной науки» (Казань, 2016), «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие» (Элиста, 2016), «Нугуман Мусин: межкультурный диалог на Евразийском пространстве» (Уфа, 2016), «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (Уфа, 2016, 2017), «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» (Казань, 2017), «Саммит языков и культур» (Казань, 2017), «Уральские и алтайские языки» (Томск, 2017), «Традиционная культура народов Поволжья» (Казань, 2018), «Восточные архивы и архивоведение в современном мире: проблемы и перспективы» (Элиста, 2021), «Гуманитарные науки в современном мире:

Ураксинские чтения» (Уфа, 2023), «Городские башкиры: сохранение и развитие языка и культуры в условиях этнокультурного и языкового многообразия» (Уфа, 2024), «Тенишевские чтения» (Москва, 2024, 2025), «Родной язык, культура и литература в системе образования: традиции и инновации» (Уфа, 2025) и др.

По теме диссертационного исследования опубликовано 19 статей в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, в том числе 16 – в изданиях категории K1, K2. Из них 9 статей – в научных журналах, индексируемых в международных базах данных Scopus и Web of Science, в том числе 7 статей – в журналах категории Q1, Q2.

Структура диссертации. Общий объем работы составляет 468 страниц. Диссертация состоит из Введения, 4 глав, Заключения, Списка сокращений, Списка использованной литературы. Библиографический указатель включает 563 наименования. Работа содержит 9 схем, 1 рисунок, 6 диаграмм, 17 таблиц, 9 карт.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновываются выбор темы, ее актуальность и степень разработанности, определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, обозначаются теоретико-методологическая база, методы и приемы исследования, излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации «**Проблемы описания цветообозначений в лингвистике**» посвящена изложению лингвистических параметров цвета и истории изучения названий цвета в мировой и российской лингвистике, в том числе в тюркологии и башкирском языкознании.

Цвет представляет собой сложный физический феномен, имеющий множество параметров (цветовой тон, насыщенность, светлота и др.). В языкознании исследователей интересуют не сам цвет как таковой, а слова, обозначающие цвет, а также их семантика. В лингвистике в качестве цветообозначений рассматриваются названия основных цветов и их оттенков, а также лексемы, которыми обозначаются смешанные цвета и масти лошади.

В современном башкирском языке к лексике цветообозначений относятся названия, обозначающие цвет, сочетание (совокупность) цветов и масть лошади. Семантика цвета передается лексемами, которые отражают

следующие физические параметры цвета: а) цветовой тон (башк. *йәшел* 'зеленый', *күк* 'синий'); б) светлоту (башк. *ак* 'белый', *кара* 'черный'); в) цветовой тон и светлоту (башк. *акһыл һары* 'светло-желтый', *карагускыл кызыл* 'темно-красный'); г) цветовой тон и насыщенность (башк. *һан-һары* 'желтый-прежелтый', *сагыу зәңгәр* 'ярко-голубой'). Окраску, состоящую из совокупности нескольких цветов, обозначают названия смешанных цветов (башк. *сыбар* 'пестрый', *ала* 'пегий'). Для указания на масть лошади, характеризующую определенное сочетание цвета шерсти, гривы, хвоста, существуют специальные термины (башк. *кола* 'саврасый, буланый', *сантар* 'игреневый').

В лингвистической литературе имеются множество терминов для обозначения языковых единиц со значением цвета: «цветообозначения», «цветонаименования», «колоративы», «колоронимы», «хроматонимы», «цветовая лексика», «лексика цвета», «названия цвета», «имена цвета», «термины цвета», «цветовой термин», «прилагательные цвета» и т. д. Наиболее распространенным из них является термин «цветообозначение», который встречается в исследованиях ряда ученых (напр., В.А. Москвича, Н.Б. Бахилиной, А. Вежбицкой, Т.И. Вендиной, В. Г. Кульпиной, С.Г. Тер-Минасовой). Понятия «имя цвета», «цветонаименование» употребляются в работах Р.М. Фрумкиной, А.П. Василевича, Т.А. Михайловой и др.; «цветовой термин», «термин цвета» (наряду с термином «цветообозначение») – в трудах Т.И. Вендиной, В.Г. Кульпиной и др. Встречаются также такие выражения, как «названия цвета», «наименования с цветовым компонентом», «прилагательные со значением цвета», «цветовые прилагательные» (напр., в работе Е.В. Рахилиной). В последние годы появились такие специальные лингвистические термины для обозначения цвета, как «колоратив», «колороним», «хроматоним» и др.

Как видим, на современном этапе изучения лексических единиц, обозначающих цвет, наблюдается отсутствие единообразия в их терминологическом обозначении. Б.Н. Борисова, проанализировав содержание указанных выше терминов, уточняет и разграничивает их смысл: термин «цветообозначение» передает общий процесс обозначения цветовых оттенков в языке; термин «имя цвета» может быть использован в ономазиологическом аспекте при изучении названий основных цветов; выражение «термин цвета» является некорректным из-за отсутствия «терминосистемы цвета», то есть области знаний о цвете (а в колористической науке нет понятия «термин цвета»); термин «хроматоним» исключает слова для обозначения ахроматических цветов; термин «колороним» может быть применен для обозначения названий любых цветовых оттенков (к тому же образован по модели терминов, как гидроним, зооним, фитоним и др.) [Борисова 2008: 32–37].

В нашем исследовании слова, называющие цвет, обозначаются такими наиболее устоявшимися в лингвистике терминами, как «цветообозначение», «цветонаименование», «название цвета», которые в основном понимаются как синонимичные. Также в зависимости от контекста могут применяться термины «колоративы» (при обозначении группы прилагательных, обозначающих цвет), «колоронимы» (при подчеркивании цветового значения названия цвета), «прилагательные цвета» (при описании свойств названий цвета, характерных именно для этой части речи) и т. д.

В языкознании исследования по названиям цветов в различных языках проводятся в разных направлениях и аспектах. Множество работ посвящены исследованию цветообозначений в историческом и сравнительно-историческом планах: так, в них изучается историческое развитие цветообозначений в тех или иных языках или языковых семьях [Вендина 1999, Дыбо, Михайлова, Норманская 2002, Норманская 2005, Кезина 2008], проводятся реконструкции семантики названий цветов в каком-либо праязыке [Schwertner 1915, Tischler 1989, 1994], рассматриваются происхождение и употребление цветообозначающих терминов [Суровцева 1964, 1967, Суперанская 1970, Андреева-Васина 1978, Алимпиева 1986, Юдина 2000, Basic colour terms... 2006], описываются цветообозначения, зафиксированные в памятниках определенного исторического среза [Грановская 1964, 1969, Бахилина 1975, Krieg 1976, Алимпиева 1980, 1982, 1986, Wyler 1984, 1992, Biggam 1997], исследуются особенности семантики и функционирования цветообозначений в памятниках различных жанров и фольклора [Панченко 1968, Павлюченкова 1984, Пименова 1985, 1986, 1987, Касимов 1989, Никулина 1989, Бачаева 2015, Цветообозначения в хантыйском... 2019] и т. д.

Считается, что классической точкой отсчета при изучении семантики цвета стала работа Б. Берлина и П. Кея, которые выделили базовые цветообозначения в 98 языках мира, что позволило им сделать вывод, что системы базовых цветообозначений в разных языках оказались разными, но все же близкими друг к другу (черный, белый, красный, желтый, зеленый, синий, коричневый, фиолетовый, оранжевый, серый, розовый) [Berlin, Kay 1969].

В сопоставительных исследованиях по цветообозначающей лексике основное внимание уделяется выявлению роли терминов цвета в описании языковой картины мира, концептуализации и места цветолексем в процессах познания [Шхвацабая 1985, Сипакова 1997, Davies 1998]. В психолингвистических работах наблюдается тенденция перехода от структурно-семантических методов к подходам, связанным с феноменологическим и эйдетическим осознанием семантической специфики названий цвета [Фрумкина 1984, Василевич 1987, Белов 1988, Уфимцева 1996]. В исследованиях когнитивного характера основными категориями

являются понятия языковой картины мира и цветов-прототипов [Сорокин, Марковина 1988, Серов 1990, Тер-Минасова 2000, Кульпина 2001, Рахилина 2008, Жаркынбекова 2011, Комарова, Талапина 2011, Мартянова 2013].

В тюркологической науке особенности семантики, развития и функционирования цветообозначений изучались как в отдельных языках, так и в тюркских языках в целом [Садыкова 1963, Васильев 1978, Кононов 1978, Васильева 1980, Молчанова 1985, 1986, 1988, Ганиходжаева 1986, Матчанова 1987, Лебедева 1992, Doerfer 1995, Саматов 1997, Ozgen, Davies 1998, Кормушин 2001, Саввина 2001, Тугужекова 2001, 2016, Файзуллина 2005, Майзина 2006а, 2008, Мусуков 2009, Stachowski 2010, Садыкова 2015, Саматов 2016, 2017, Хасен, Болат 2016, Абжапарова 2018, Малышева, Божедонова 2018, Божедонова 2019, 2020, Габышева 2019, Мусуков 2019, Сувандии 2019, Хисамитдинова 2019, Афанасьева 2020, Улаков, Мусуков 2020, Широбокова, Абжапарова 2020, Абжапарова 2021]. В башкирском языкознании также имеются работы, затрагивающие отдельные аспекты изучения цветообозначающей лексики [Ураксин 1987, Камалов 1994, Усманова 1994, Файзуллина 2005, Хадыева 2005, Ягафарова 2008, Ласынова 2012, Хисамитдинова 2013, 2019, Вакилова, Абдуллина 2022].

На сегодняшний день известны различные подходы лингвистов к классификации цветообозначений. Большинство ученых за основу систематизации этого класса лексики берут физические данные цвета и разделяют названия на основные и оттеночные цветообозначения [Брагина 1972: 84, Rosch 1977, Апресян 1995: 44, Иваровская 1998: 104–109, Фрумкина 2001: 64–85]. Также распространен принцип классификации цветоименований по структуре [Косых 2002: 29, Дюпина, Шакирова, Чуманова 2013: 220–221]. Существуют классификации, по которым названия цвета группируются по сочетаемости [Дыбо, Михайлова, Норманская 2002: 9–10], функциям [Штенгелов 1970: 25], по названиям предметов-эталонов [Рябова 2002: 15] и т. д. На наш взгляд, при классификации цветообозначений важно учитывать те принципы, выбор которых соответствует целям и задачам конкретного исследования.

Вторая глава «Генетические истоки и семантические особенности цветообозначений башкирского языка» состоит из трех разделов, в которых рассматриваются цветообозначения башкирского языка с точки зрения их происхождения и лексической семантики.

Раздел 2.1 посвящен изучению лексики цветообозначений башкирского языка пратюркского и общетюркского происхождения.

К пратюркскому пласту относятся лексические единицы, характерные для общности, которая по глоттохронологическим расчетам существовала до отделения булгар (предков современных чувашей) от общей массы тюрков

(III в. до н.э.), т.е. это лексемы, имеющиеся во всех подгруппах тюркских языков, включая болгарскую [СИГТЯ 2001: 731–735, Дыбо 2007: 200]. Следующие цветообозначения и названия масти лошади, функционирующие в современном башкирском языке, восходят к пратюркским (далее некоторые – к праалтайским) основам:

- башк. *кара* ‘черный’ < ПТю. **Kara* ‘черный’ < ПА **kàru* ‘черный’;
- башк. *һоро* ‘серый’ < ПТю. **sūr* ‘серый, бурый’ < ПА **sūjro* ‘желтоватый, светлый’;
- башк. *кызыл* ‘красный’ < ПТю. **Kīř-ıl* ‘красный’ (< ПТю. **Kīř-* ‘краснеть, раскаляться’) < ПА **k’iūru* ‘красный; коричневый, темный’;
- башк. *һары* ‘желтый’ < ПТю. **siārīg* ‘желтый, белый’ < ПА **siājri* ‘белый, желтый’;
- башк. *күк* ‘синий’ < ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ < ПА **kōk’e* ‘синий, зеленый’;
- башк. *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’ < ПТю. **Koңur* ‘бурый’ < ПА **kōṇa* ‘коричневый, черный’;
- башк. *ала* ‘пегий’ < ПТю. **āla* ‘пестрый’ < ПА **ālV* ‘пестрый’;
- башк. *ерән* ‘рыжий’ < ПТю. **jēgre-n* ‘рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа’ < ПА **negre* ‘вид оленя’;
- башк. *кола* ‘саврасый, буланый’ < ПТю. **Kula* ‘желтый, саврасый’ < ПА **k’ūli* ‘желтый, коричневый, серый’;
- башк. *туры* ‘гнедой’ < ПТю. **tōruy* ‘гнедой’ [EDAL 2003, Дыбо 2013].

Относительно формирования и развития семантики цветонаименований башкирского языка отметим, что значения этих лексем могут быть пратюркскими, общетюркскими, пракрыпчакскими, ареальными или собственно башкирскими.

Выявлено, что пратюркские и общетюркские значения башкирских цветообозначений составляют подавляющее большинство и характерны для исконных названий цвета. Так, в башкирском языке сохранились первоначальные значения практически всех пратюркских цветообозначений. В других тюркских языках наблюдаются главным образом те же значения лексем пратюркского пласта. Например, во всех тюркских языках рефлексy ПТю. **Kara* ‘черный’ (напр., башк. *кара*, туркм. *гара*, узб. *қора*, хак. *хара*, чув. *хура*) обозначают черный цвет; ПТю. **tōruy* ‘гнедой’ (напр., башк. *туры*, гаг. *доору*, уйг. *торуқ*, тув. *доруг*, чув. *турă*) – гнедую масть лошади.

В современных тюркских языках наблюдаются незначительные изменения в семантике рефлексов некоторых пратюркских цветообозначений:

- ПТю. **Kula* ‘желтый, саврасый’ в большинстве тюркских языков употребляется главным образом в значении ‘саврасый, буланый’ (напр., башк.

кола, уйг. қула, хак. хула, чув. хӕла), а в турецком – в значении ‘рыжий, бурый (о масти лошади)’;

– ПТю. **siārig* ‘желтый, белый’ в чувашском языке сохранило значение ‘белый’ (*шурӑ* ‘белый’), тогда как в других тюркских языках – значение ‘желтый’ (напр., башк. *һары*, аз. *sarı*, узб. *сарик*, тоф. *сарыг*);

– ПТю. **āla* ‘пестрый’ в современных тюркских языках употребляется в значениях ‘пегий’, ‘пестрый’ (напр., башк. *ала* ‘пегий’, уйг. *ала* ‘пегий’, шор. *ала* ‘пегий’, чув. *ула* ‘пегий, пестрый’);

– ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ сохранилось для синего цвета во всех тюркских языках (напр., башк. *күк*, аз. *döy*, узб. *кўк*, як. *күөх*, чув. *ка́вак*); а его значения ‘голубой’, ‘зеленый’ в некоторых языках были вытеснены другими словами (напр., башк. *йәшел* ‘зеленый’ < ПТю. **jāl-il*, башк. *зәңгәр* ‘голубой’ < перс.; тув. *ногаан* ‘зеленый’ < монг.; туркм. *мавы* ‘голубой’ < араб.);

– ПТю. **Koŋur* ‘бурый’ в современных тюркских языках употребляется для обозначения не только бурого цвета, но и широкого диапазона коричневого (напр., башк. *куңыр*, кум. *къонгур*, туркм. *гоңур*, чув. *хӕмӕр*);

– ПТю. **jegre-n* ‘рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа’ в одних языках сохранило оба значения (напр., алт. *jeepen* ‘рыжий; джейран, антилопа, косуля’), в других – одно из двух (напр., башк. *ерән* ‘рыжий’, тув. *чээрән* ‘антилопа, джейран’), в третьих – оно расширило свою семантику и стало применяться в отношении широкого круга предметов рыжего цвета (башк. *ерән*, кирг. *жейрен*).

Некоторые пратюркские цветообозначения в тех или иных тюркских языках претерпевали существенные изменения в семантике:

– ПТю. **Kīr-il* ‘красный’ во всех тюркских языках сохранило значение ‘красный’ (напр., башк. *кызыл*), тогда как в азербайджанском языке основное значение лексемы *qizil* – ‘золото, золотой’ (его значение ‘красный’ считается устаревшим);

– ПТю. **siārig* ‘желтый, белый’ изменило свое значение в якутском и халаджском языках (як. *арыы* ‘масло’, халадж. *sāruy* ‘оранжевый’);

– ПТю. **sūr* ‘серый, бурый’ в некоторых тюркских языках изменило свое значение (напр., караим. *сур* ‘рыжий’, кум. *сюр*, туркм. *су:р*, узб. *сур* ‘смущка коричневого цвета’), тогда как в других оно сохранило значение ‘серый’ (башк. *һоро*, кирг. *сур*, уйг. *сур*, чув. *сӕрӕ*).

Значения некоторых пратюркских цветоименований сохранились в современных тюркских языках лишь определенных ареалов:

– ПТю. **sūr* ‘серый, бурый’ обозначает серый и близкие к нему цвета (буланный, голубой – о масти лошади) в языках Урало-Поволжья, Западной Сибири, Средней Азии и прилегающих к ней некоторых территорий. Как

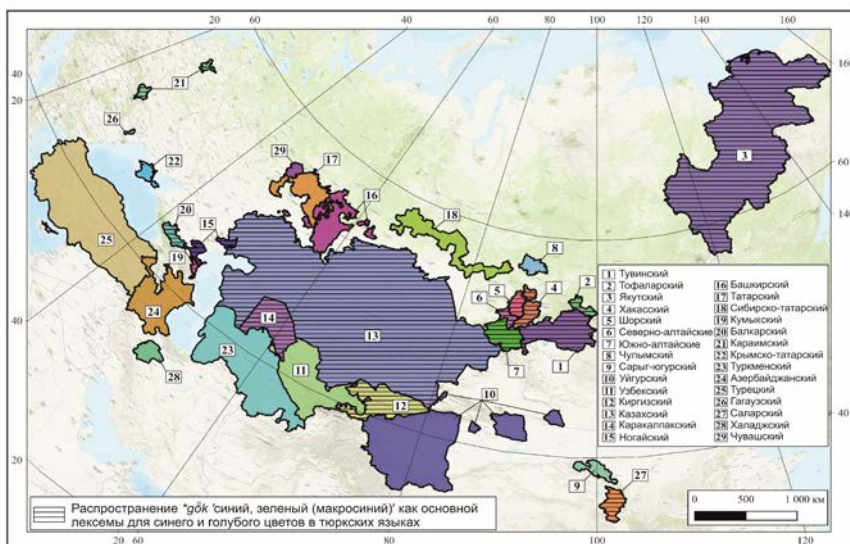
лексема-доминанта для обозначения серого цвета оно встречается в тюркских языках Урало-Поволжья и северо-востока Средней Азии;

– ПТю. **Koŋur* используется как лексема-доминанта для обозначения коричневого цвета и его оттенков в чувашском, якутском и языках Средней Азии и Кавказа;

– ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ употребляется как основная лексема для синего и голубого цветов в тюркских языках Северного Кавказа, Сибири и северной части Средней Азии.

Ареальный характер значений ‘синий’ и ‘голубой’ лексемы ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ можно проследить на карте: изоглосса, характеризующая их наличие, тянется по центру ареала распространения тюркских языков узкой полосой с запада на восток; следовательно, внешнему воздействию (проникновению заимствований для голубого цвета) были подвергнуты языки, находящиеся по краям этого ареала (карта 1).

Карта 1. Распространение **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ как основной лексемы для синего и голубого цветов в тюркских языках

Значения цветоименований, встречающиеся только в кыпчакской подгруппе тюркских языков, нами выделены как пракыпчакские. Как правило, такие значения лексем являются вторичными. Так, ПТю. **jēgre-n* ‘рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа’ в кыпчакских языках

расширило свою семантику и употребляется для обозначения *рыжего цвета волос, усов, бороды*. Пракыпчакским является также рефлекс ПТю. **siāriḡ* ‘желтый, белый’ на *-w*, который наблюдается в современных тюркских языках кыпчакской подгруппы в значении ‘желчь, изжога’ (башк. *һарыу*, ног. *сарув*, кбалк. *сарыу*).

Рефлексы праалтайских лексем сохранились в современных языках алтайской языковой семьи (в монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейском и японском) либо в значении цвета, либо в близких значениях: рефлексы ПА **kàru* ‘черный’ встречаются в монг., яп. языках (в значении ‘черный’); ПА **sīūjro* ‘желтоватый, светлый’ – в монг. (‘соловый’), тунг.-маньчж. (‘желтоватый, сероватый’, ‘рыжеватый, красноватый’, ‘белый – о лошади’), кор. (‘беловатый’); ПА **k’īūru* ‘красный; коричневый, темный’ – в монг. (‘коричневый’), тунг.-маньчж. (‘серый’), кор. (‘медь’), яп. (‘темный’); ПА **sīājri* ‘белый; желтый’ – в монг. (‘желтый’), кор., яп. (‘белый’), тунг.-маньчж. (‘молния, радуга; свет, светлый’); ПА **kōk’e* ‘синий, зеленый’ – в монг. (‘синий, зеленый’); ПА **kōḡa* ‘коричневый, черный’ – в монг. (‘светло-коричневый’), тунг.-маньчж. (‘черный’), кор. (‘тень’), яп. (‘тень, отражение’); ПА **negre* ‘вид оленя’ – в тунг.-маньчж. (‘важенка – самка северного оленя’), кор. (‘косуля’); ПА **ālv* – в монг. (‘пестрый’), кор. (‘быть пятнистым, украшенным’); ПА **k’ūli* ‘желтый, коричневый, серый’ – в монг. (‘серый, голубоватый’) [Старостин 1991, EDAL 2003, Дыбо 2013].

Часть цветообозначающей лексики башкирского языка составляют названия, характерные для языков «общетюркской» ветви, образовавшейся после распада пратюркской общности (III в. до н.э.). Как правило, общетюркские лексемы функционируют во всех подгруппах тюркских языков (или в нескольких из них), кроме чувашского (булгарской группы) и / или языков якутско-долганской группы [Дыбо 2007: 4].

Общетюркские лексемы также восходят к пратюркским и праалтайским формам. В башкирском языке к общетюркским относятся следующие цветообозначения и названия масти лошади, которые в разных фонетических формах употребляются и в других подгруппах тюркских языков, кроме булгарской:

– башк. *ак* ‘белый’ < ПТю. **Āk* ‘белый’ < ПА **jāk V* ‘светлый, белый’ (встречается во всех тюркских языках, кроме чув. и як.);

– башк. *буз* ‘сивый, серый’ < ПТю. **boř* ‘серый’ < ПА **bořV* ‘серый’ (встречается во всех подгруппах тюркских языков, кроме булг.);

– башк. *йәшел* ‘зеленый’ < ПТю. **jāl-il* ‘зеленый’ (< ПТю. **jāl* ‘зелень, зеленый, незрелый’) < ПА **ñīōle* ‘зеленый, зелень, поросль’ (встречается во всех подгруппах тюркских языков, кроме булг.);

– башк. *ал* ‘алый, розовый’ < ПТю. **Āl* ‘красный, алый’ < ПА **ŋjōle* ‘красный, розовый; желтый’ (встречается в кыпч., огузск., карлук. подгруппах тюркских языков);

– башк. *сәгер* ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’ < ПТю. **čakir* ‘светло-серый, серовато-голубой’ < ПА **šāk’a* ‘белый’ (встречается в кыпч., огузск., карлук. языках центральной части Евразии);

– башк. *сыбар* ‘пестрый’ < ПТю. **čorur*, *čar-* ‘пестрый, рябой; непородистый, неряшливый; высыпать (о сыпи, чирьях)’ < ПА **šop’é* ‘веснушки, пятна’ (встречается в кыпч., огузск., карлук. подгруппах тюркских языков);

– башк. *коба* ‘светло-желтый, бледно-бурый, палевый’ < ПТю. **Kuba* / **Koba* ‘желтоватый, сероватый’ < ПА **kijbu* ‘бледный’ (встречается во всех подгруппах тюркских языков, кроме булг.);

– башк. *сал* ‘чалый’ < ПТю. **čĀl* ‘серый, седой’ < ПА **č’ōli* ‘серый, светлый’ (встречается во всех подгруппах тюркских языков, кроме булг.);

– башк. *тарғыл* ‘полосатый’ < ПТю. **d(i)ār* ‘узкий’ + *-yıl* < ПА **tāre* ‘узкий; короткий’ (встречается в кыпч., кирг.-кыпч., карлук. языках) [Старостин 1991, EDAL 2003, Дыбо 2013].

Можно выделить следующие особенности употребления цветообозначений общетюркского пласта в современных тюркских языках:

– **Āk* ‘белый’ в тюркских языках, в том числе в башкирском, функционирует в значении ‘белый’ (напр., башк. *ак*, аз. *ağ*, узб. *оқ*, хак. *ах*). В чувашском и якутском, в которых отсутствует **Āk*, белый цвет выражается лексемами *шурă* и *үрүн*; в древнетюркских источниках лексема *aq* употребляется главным образом относительно масти лошади, а белый цвет в них маркируется словом *ürün*. В башкирском языке белая масть лошади обозначается другими лексемами (*буз*, *сал*, *күк*), нежели лексемой *ак*;

– **boŋ* ‘серый’ в одних языках употребляется как основная лексема для серого цвета (гаг. *боз тўўлў йабаны* ‘серый волк’, аз. *boz buludlar* ‘серые тучи’), в то время как в других языках, в том числе и в башкирском, ее значение сузилось – она в настоящее время применяется только для обозначения масти лошади, окраски животных и птиц (напр., башк. *буз ат*, ккалп., кирг. *боз ат* ‘сивая лошадь’).

– **jāl-il* ‘зеленый’ во всех тюркских языках сохранилось в своем основном значении (башк. *йәшел япрактар* ‘зеленые листья’, тат. *яшел тукума* ‘зеленая ткань’, гаг. *ешил фидан* ‘зеленое деревце’), в то время как в тувинском языке *чажыл* употребляется только в значении ‘заячья капуста’;

– **čakir* ‘светло-серый, серовато-голубой’ в большинстве тюркских языков, в том числе и в башкирском, употребляется для обозначения светлых глаз (башк. *сәгер күз* ‘светло-голубые, зеленовато-голубые глаза’, гаг. *чакыр гөзлү* ‘голубоглазый’, уйг. *чекир көз* ‘серые глаза’);

–**čopur*, *čap* ‘пестрый, рябой; непородистый, неряшливый; высыпать (о сыпи, чирьях)’ во всех тюркских языках употребляется в значениях ‘пестрый’, ‘рябой’, ‘чубарый’ (башк. *сыбар тауык* ‘рябая курица’, каз. *шұбар бұзау* ‘пестрый теленок’, уйг. *чипар ат* ‘чубарый конь’, туркм. *чопур йўз* ‘рябое лицо’);

–**Kuba* / **Koba* ‘желтоватый, сероватый’ в тюркских языках главным образом обозначает бледно-бурую, светло-желтую, светло-рыжую, сероватую масть лошади и других животных (башк. *коба үгез* ‘бледно-бурый бык’, каз. *құба сыйыр* ‘корова светло-желтой масти’, хак. *хуба инек* ‘светло-рыжая корова’);

–**Āl* ‘серый, седой’ во всех тюркских языках в основном обозначает серую, сивую, чалую масти лошади и некоторых других животных, указывая на седину волос на их теле (башк. *сал айғыр* ‘чалый жеребец’, ног. *шал ат* ‘серая лошадь’, аз. *çal auyğır* ‘чалый жеребец’);

– фонетические варианты *тарғыл* ‘полосатый’ (< ПТю. **d(i)ār* ‘узкий’ + -*γil*) в тюркских языках употребляются главным образом для обозначения полосатого, тигрового, пестрого окраса животных (башк. *тарғыл ат* ‘полосатая лошадь’, каз. *тарғыл сиыр* ‘пестрая корова’, уйг. *тарғил ат* ‘лошадь тигровой масти’).

Распространение **Āl* ‘красный, алый’ носит ареальный характер, оно встречается преимущественно в тюркских языках Урало-Поволжья, Причерноморья, Средней Азии, Западной Сибири, Кавказа (т.е. за исключением языков Южной и Восточной Сибири).

Пратюркские формы общетюркских лексем в свою очередь восходят к праалтайским лексемам, рефлексy которых распространены в современных языках алтайской ветви: напр., рефлексy ПА **īāk* ‘V’ ‘светлый, белый’ функционируют также в монг. (в значении ‘розовый’), тунг.-маньчж. (‘светильник, свеча, свет’), кор. (‘ярко гореть, сильно краснеть’), яп. (‘красный’); ПА **boŋ* ‘серый’ – в монг. (‘серый’); ПА **ñjōle* ‘зеленый, зелень, поросль’ – в монг. (‘зеленый луг’), тунг.-маньчж. (‘зеленый мох’, ‘зеленоватый’); ПА **ñjōle* ‘красный, розовый; желтый’ – в тунг.-маньчж. (‘алый’), монг. (‘пестрый’), яп. (‘фиолетовый’), кор. (‘желтый’); ПА **šāk* ‘a’ ‘белый’ – в монг. (‘белый’, ‘белеть’) и тунг.-маньчж. (‘белый’, ‘бельмо’); ПА **šop* ‘é’ ‘веснушки, пятна’ – в монг. (‘пятнистый, пестрый’) и яп. (‘веснушки’) языках; ПА **kjōbu* ‘бледный’ – в монг. (‘бледный, засохший’), тунг.-маньчж. (‘бледный’), яп. (‘желтый’); ПА **čjōli* ‘серый, светлый’ – в монг. (‘альбинос; ясный, безоблачный’), тунг.-маньчж. (‘седой’) языках [Старостин 1991, EDAL 2003, Дыбо 2013].

Раздел 2.2 посвящен изучению в башкирском языке названий цвета заимствованного происхождения, которые составляют монголизмы, персизмы и арабизм.

Ученые насчитывают в лексике тюркских и монгольских языков до 25 % общих элементов [Котвич 1962: 351]. Они могут либо восходить к общим алтайским корням, либо являться древними (на пратюркском, прамонгольском уровне) или более поздними заимствованиями.

Лексические элементы общего наследия в тюркских и монгольских языках связываются с алтайской гипотезой, которой придерживаются многие исследователи (Ф.И. Страленберг, Н.А. Баскаков, Г.И. Рамstedт, Е.Д. Поливанов, Б.Я. Владимирцов, А.В. Дыбо и др.). К родственным словам на генетическом уровне можно отнести следующие цветообозначения, встречающиеся в тюркских (в том числе и в башкирском) и монгольских языках в близких значениях и восходящие к алтайским праформам:

– ПТю. **Kara* ‘черный’ (башк. *кара* ‘черный’) ~ ПМо. **kara* ‘черный’ < ПА **k̄aru* ‘черный’;

– ПТю. **siārig* ‘желтый, белый’ (башк. *һары* ‘желтый’) ~ ПМо. **sira* ‘желтый’ < ПА **siājri* ‘белый, желтый’;

– ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ (башк. *күк* ‘синий’) ~ ПМо. **köke* ‘синий, зеленый’ < ПА **kōk’e* ‘синий, зеленый’;

– ПТю. **Koŋur* ‘бурый’ (башк. *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’) ~ ПМо. **koŋ-* ‘светло-коричневый’ < ПА **kōŋa* ‘коричневый, черный’;

– ПТю. **āla* ‘пестрый’ (башк. *ал* ‘алый, розовый’) ~ ПМо. **ala-g* ‘пестрый’ < ПА **ālv* ‘пестрый’;

– ПТю. **boŋ* ‘серый’ (башк. *буз* ‘сивый, серый’) ~ ПМо. **boro* ‘серый’ < ПА **boŋV* ‘серый’;

– ПТю. **čopur*, **čap-* ‘пестрый, рябой’, ‘непородистый, неряшливый’, ‘высыпать (о сыпи, чирьях)’ (башк. *сыбар* ‘пестрый’) ~ ПМо. **čob*, **čow-kur* ‘пятнышко, веснушка; пятнистый, пестрый’ < ПА **šop’é* ‘веснушки, пятна’ [Старостин 1991, EDAL 2003, Дыбо 2013].

К тюркским заимствованиям в монгольских языках относятся следующие цветообозначения:

– ПТю. **jēgre-n* ‘рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа’ (башк. *ерән* ‘рыжий’) ~ монг.: халх.-монг. *зээрд*, бур. *зээрдэ*, калм. *зеерд*, даг. *джэрдэ* ‘рыжий (о лошади)’ / халх.-монг. *зээрэн*, бур. *зээрэн*, калм. *зеерн*, даг. *джэрэн* ‘антилопа, серна, джейран’ [Clauson 1972: 914, Молчанова 1988: 99, ЭСМЯ 2016: 66];

– ПТю. **Kula* ‘желтый, саврасый’ (башк. *кола* ‘саврасый, буланый’) ~ монг.: халх.-монг., калм. *хул* ‘саврасый’, бур. *хула* ‘саврасый’ [ЭСТЯ 2000: 120–121, EDAL 2003: 849];

– ПТю. **čāl* ‘серый, седой’ (башк. *сал* ‘седой, чалый’) ~ монг.: калм. *цал*, халх.-монг. *цал буурал* ‘седой, чалый’ [EDAL 2003: 441–442];

– ПТю. **Kuba* / **Koba* ‘желтоватый, сероватый’ (башк. *коба* ‘светло-желтый, бледно-бурый’) ~ монг.: халх.-монг., бур. *ухаа*, *хуа*, *хуаа* ‘кауры (о

масти лошади); светло-коричневый (о цвете)'; калм. *хо, хоо* 'светло-жёлтый, соловый (о масти лошади); коричнево-желтый (о цвете)' [EDAL 2003: 695, ЭСМЯ 2018: 62];

– ПТю. **АI* 'красный, алый' (башк. *ал* 'алый, розовый') ~ монг.: калм. *ал* 'уст. светло-красный', халх.-монг. *ал* 'красный' [ЭСТЯ 1974: 126, EDAL 2003: 1032];

– ПТю. **čakir* 'светло-серый, серовато-голубой' (башк. *сәгер* 'светло-голубой, зеленовато-голубой') ~ монг.: халх.-монг. *цэхэр*, бур. *сэхир* 'светло-серый'; бур. *сахир*, калм. *цэкр* 'белесый, бледный' [ЭСМЯ 2015, 2016, 2018, ЭСТЯ 1974–2003].

Относительно датирования заимствований из монгольских языков в тюркские А.М. Щербак подчеркивает, что «речь должна идти главным образом об относительно поздних заимствованиях (после XIII в.) из монгольских языков в тюркские» [Щербак 2005: 29].

Исследователи отмечают неравномерное распространение монгольских заимствований в тюркских языках: самое большое количество монголизмов выявлено в сибирских тюркских языках (якутский, тувинский, алтайский, хакаский, шорский); далее – в кыпчакских языках арало-каспийского ареала (киргизский, казахский, каракалпакский, ногайский); в кыпчакских языках Урало-Поволжья (башкирский, татарский) их меньше, чем в первых двух группах [Рассадин 1980: 77, Малышева 2024: 334–335].

В башкирском языке 6 цветообозначений относятся к монголизмам, которые также представлены в тех или иных подгруппах тюркских языков в разных фонетических вариантах:

– башк. *көрән* 'коричневый', диал. 'фиолетовый' < монг. < ПМо. **küre-* (**kūri*) 'коричневый, бурый' < ПА **k'iyūru* 'красный; коричневый, темный' (встречается во всех подгруппах, в булг.: заимств. из тат.) [ЭСТЯ 1997: 147, EDAL 2003: 828];

– башк. *сантар* 'игреневый' < монг. < ПМо. **čabidar* 'желтоватый, игреневый' < ПА **č'ura* 'серый' (встречается в кыпч., кирг.-кыпч. и уйг.-огузск. подгруппах тюркских языков) [EDAL 2003: 454];

– башк. *бурыл* 'чалый, серый' < монг. < ПМо. **buγurul* 'серый, седой' < ПА **bagu* 'белый, серый' (встречается во всех подгруппах тюркских языков) [ЭСТЯ 1978: 228, EDAL 2003: 321];

– башк. *бүртә* 'караковый' < позднемонг. *börtü* ≈ *börte* 'пестрый, с пятнами, пестрый, в крапинку; серый' (встречается в башк., сиб.-тат., кирг, уйг. языках) [Rybatzki 2006: 262];

– башк. *кир* 'мухортый' < монг. < ПМо. **kehere* 'гнедой' (встречается во всех подгруппах тюркских языков, кроме булг.) [ЭСТЯ 1997: 65];

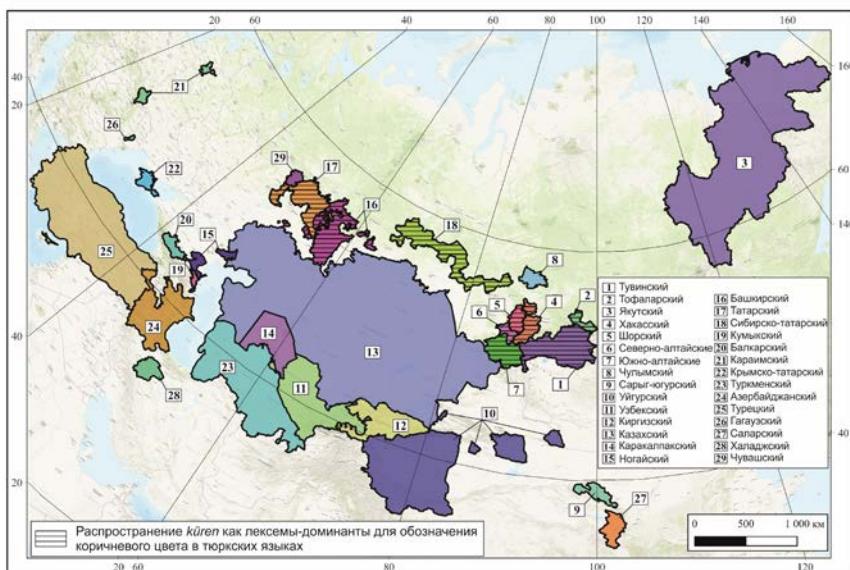
– башк. *тарлан* 'серый, сивый с примесями другого цвета' < монг. *тарлан* 'пестрый, крапчатый; пятнистый' (о крупном рогатом скоте, птицах)

(встречается во всех подгруппах, кроме булг. и огузск.) [БАМРС 2001: 194, Хертек 2017: 304].

Итак, в башкирском языке из шести монгольских заимствований 5 наименований являются названиями мастей лошади, что свидетельствует о тесных контактах тюркских и монгольских скотоводов. Примечательно, что название неспектрального цвета *көрән* ‘коричневый’, которое входит в активный словарный запас современного башкирского языка и употребляется по отношению к цвету широкого круга предметов, изначально также обозначало масть лошади.

Отметим, что лексема *көрән* ‘коричневый’ в башкирском языке имеет ареальное и собственно башкирское значения. Ареальное значение ‘*коричневый (об артефактах)*’ монгольского заимствования *küren* наблюдается в тюркских языках Урало-Поволжья, Западной и Южной Сибири (тогда как в других тюркских языках этим словом обозначается только масть лошади) (карта 2):

Карта 2. Распространение *küren* как лексемы-доминанты для обозначения коричневого цвета в тюркских языках

Собственно башкирское значение лексемы *көрән* – ‘фиолетовый’, оно характерно для некоторых диалектов и говоров башкирского языка.

Остальные лексемы (*сантар* ‘игрневый’, *бурыл* ‘чалый, серый’, *бүртә* ‘караковый’, *кир* ‘мухортый’, *тарлан* ‘(серый, сивый) с примесью другого цвета’) в башкирском языке и встречающиеся их параллели в других тюркских языках употребляются предпочтительно для обозначения масти лошади или (редко) других животных. Первые два названия во всех из них обозначают игрневую и чалую масти лошади (напр., каз., ккалп. *шабдар*, кирг. *чабдар*, хак. *сабдар*; тат. *бурлы*, кбалк. *бурул*, телеут. *пуурул*, узб. *burul* ‘чалый’, як. *буулуур*, чув. *пурлă, пăвăрлă*), остальные – разные масти (напр., сиб.-тат. *бүртә* ‘мухортый’, уйг. *bürtä* ‘белая лошадь’; ккалп. *кер* ‘мухортый’, аз. *kəhər* ‘гнедой, каурый’, тув. *кыр* ‘чалый, игрневый’, як. *кэрэ* ‘белый, беловатый’; тат. *тарлан* ‘чалый, сивый’, ккалп. *тарлан* ‘светло-серый’, *боз тарлан* ‘сивый’, кум. *тарлан боз* ‘сивый’, узб. *буз тарлон от* ‘сивая лошадь с мелкими коричневыми крапинками’, хак. *тарлан* ‘пестрый в темную крапинку, в мелких пятнах’). В башкирском языке лексема *тарлан* встречается только в сочетании со словами *буз* и *күк* (*тарлан буз ат*, *тарлан күк ат*, *буз тарлан ат*, *күк тарлан ат*). Это же явление наблюдается в некоторых других тюркских языках.

Пути проникновения арабских и персидских заимствований в башкирский язык были различными. Арабские лексические элементы до XIV–XV вв. заимствовались башкирами преимущественно через устное общение, а с конца XV – нач. XVI в. двумя путями – устным и письменным [Экба 2004: 5]. Персидские заимствования проникли в разные эпохи в результате торговых и военных отношений предков башкир с жителями персоязычных ханств Средней Азии.

Среди цветообозначений башкирского языка 3 названия являются заимствованиями из персидского и арабского языков, два из которых также в разных фонетических вариантах распространены в тех или иных тюркских языках:

– башк. *зәңгәр* ‘голубой’ < перс. زنگار [zāŋgar] ‘ярь-медянка; ржавчина’ или زنگاری [zāŋgari] ‘желто-зеленый’ (встречается в башк., тат., сиб.-тат., кум., каз., узб., чув. яз.) [Ramstedt 1935: 473, Федотов 1996б: 37, Дыбо 2013: 533];

– башк. *шәмахә* ‘фиолетовый’ < перс. شامخی [šāmaḫi] ‘цвет шамаханских шелковых тканей’ < ‘сделанный в городе Шамахи’ (встречается в башк. и тат. яз.) [Ахметьянов 2015б: 484];

– башк. *хәнәүәт* ‘оранжевый’ < араб. حنة [henāt] < حناء [hena] ‘хна’ (в качестве названия цвета встречается только в башк. яз.) [Биишев 2009: 125].

Из них цветообозначение *зәңгәр* ‘голубой’ входит в активный словарный запас современного башкирского языка, а его производные широко употребляются в устной и разговорной речи башкир (напр., *зәңгәрһыу* ‘голубоватый’, *зәңгәрләнеү / зәңгәрәйеү* ‘голубеть, становиться голубым’ и др.). Названия *шәмахә* ‘фиолетовый’ и *хәнәүәт* ‘оранжевый’ еще не

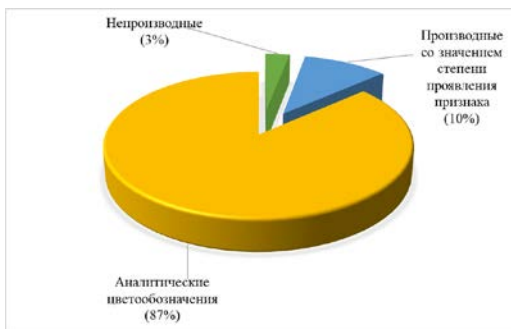
получили широкого применения в башкирском языке – они в основном характерны для книжного стиля.

В *разделе 2.3* речь идет о собственно башкирских цветообозначениях, которые образуются главным образом от существительных и «нецветовых» прилагательных с помощью аффиксов неполной степени проявления признака, а также аналитическим способом.

Третья глава диссертации «Цветообозначения башкирского языка в структурно-словообразовательном аспекте» включает три раздела и посвящена изучению структурных типов цветообозначений башкирского языка.

Все цветообозначения в башкирском языке по их структуре и словообразовательным особенностям можно классифицировать следующим образом: а) непроизводные цветообозначения (28 лексем); б) производные цветообозначения со значением степени проявления признака (97 названий); в) цветообозначения, образованные аналитическим способом (854 единицы) (*диагр. 1*).

Диаграмма 1. Структурно-словообразовательные типы цветообозначений башкирского языка

В *разделе 3.1* рассматриваются непроизводные названия цвета, составляющие базовую часть лексики цветообозначений башкирского языка, на основе которых образуются главным образом все остальные производные цветономинации.

Следует отметить, что некоторые непроизводные цветообозначения современного башкирского языка в пратюркском или общетюркском языке являлись производными названиями. Из праязыка / общетюркского языка они перешли в тюркские языки, в том числе в башкирский, уже как непроизводные основы, напр.:

– башк. *кызыл* ‘красный’ < ПТю. **Kīŷ-il* ‘красный’ < ПТю. **Kīŷ-* ‘краснеть, раскаляться’;

– башк. *йәшел* ‘зеленый’ < ПТю. **jāl-il* ‘зеленый’ < ПТю. **jāl* ‘зелень, зеленый, незрелый’;

– башк. *таргыл* ‘полосатый’ < тюрк. *taryıl* < ПТю. **d(i)ār* ‘узкий’ + *-yıl*;

– башк. *күк* ‘синий’ < ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ < ПТю. **gōk* ‘небо’;

– башк. *кара* ‘черный’ < ПТю. **Kara* ‘черный’ < тюрк. *qa-* ‘действие, направленное на достижение какой-либо совокупности предметов’ [Кормушин 2001: 592–608].

В литературном башкирском языке в составе непроемных цветообозначений можно выделить следующие лексико-семантические группы:

– 13 названий основных цветов (*ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *һоро* ‘серый’, *буз* ‘сивый, серый’, *кызыл* ‘красный’, *хәндүәт* ‘оранжевый’, *һары* ‘желтый’, *йәшел* ‘зеленый’, *зәңгәр* ‘голубой’, *күк* ‘синий’, *шәмәхә* ‘фиолетовый’, *ал* ‘розовый’, *көрән* ‘коричневый’);

– 3 названия оттенков цветов (*сәгәр* ‘светло-голубой, голубовато-зеленый’, *ерән* ‘рыжий’, *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’);

– 2 названия смешанных цветов (*сыбар* ‘пестрый’, *ала* ‘пегий’);

– 10 названий мастей животных (*кола* ‘саврасый, буланный’, *туры* ‘гнедой’, *коба* ‘светло-желтый, бледно-бурый, палевый’, *сал* ‘седой, светло-серый; чалый’, *таргыл* ‘полосатый’, *бурыл* ‘чалый, серый’, *бүртә* ‘караковый’, *кир* ‘мухортый’, *сантар* ‘игреневый’, *тарлан* ‘(серый, сивый) с примесями другого цвета’).

Разделение цветообозначений на лексико-семантические группы является условным, так как, скажем, названия цвета могут выражать масть лошади (напр., *кара* ‘черный’ / *кара* ‘вороной’) или, наоборот, названия масти лошади могут применяться относительно цвета и окраски других предметов (напр., *таргыл ат* ‘полосатый конь’ / *таргыл таи* ‘полосатый камень’) и т.д.

По происхождению непроемные цветообозначения башкирского языка в основном представлены исконно тюркскими словами (10 пратюркских и 9 общетюркских названий) и заимствованиями (6 монголизмов, два персизма и один арабизм).

Раздел 3.2 посвящен производным цветообозначениям башкирского языка со значением полной или неполной степени проявления признака, которые преимущественно формируются на основе непроемных цветообозначений, выражают интенсивность признака и обозначают оттенки цвета по насыщенности (74 названия) и светлоте (20 названий).

Производные цветообозначения со значением неполной степени проявления признака в башкирском языке составляют 58 названий и образуются от прилагательных цвета, одного «нецветового» прилагательного и четырех существительных синтетическим способом – аффиксацией (ЦО + аффикс), напр.: *һар-ғылт* ‘желтоватый’, *күк-һел* ‘синеватый’, *көрән-һыу* ‘коричневатый’; *кыу-ғыл* ‘светло-желтый, бледно-рыжий’ (< *кыу* ‘сухой, высохший (о траве)’); *кан-һыу* ‘красноватый’ (< *кан* ‘кровь’).

Производные цветообозначения со значением полной степени проявления признака в башкирском языке образуются от прилагательных цвета синтетическим (редупликацией, напр: *кан-кара* ‘черный-пречерный’, *йәм-йәшел* ‘зеленый-презеленый’; всего 17 названий) и аналитическим (частица + ЦО, напр.: *дәм кара* ‘черный-пречерный’, *сем йәшел* ‘зеленый-презеленый’; всего 22 названия) способами.

В разделе 3.3 рассматриваются аналитические формы цветообозначений башкирского языка, образованные сочетанием двух или более слов, относящихся к самостоятельным частям речи (сущ., прил.). В лингвистической литературе цветообозначения, состоящие из двух или нескольких слов, могут называться разными терминами: «составные цветообозначения», «сложные цветообозначения», «аналитические цветообозначения», «цветообозначения, образованные лексико-синтаксическим способом» и т. д. [Юлдашев 1981: 189, Грамматика башкирского языка... 2018: 261–262].

Аналитические формы цветообозначений образуются для обозначения: а) основных цветов; б) оттенков цвета (масти) по цветовому тону; в) оттенков цвета по насыщенности; г) оттенков цвета (масти) по светлоте. Большая часть аналитических форм цветообозначений выражают оттенки по цветовому тону – 550 названий из 854 (*йәшкелт һары* ‘зеленовато-голубой’, *күкһел йәшел* ‘синевато-зеленый’), далее следуют оттенки по насыщенности – 155 названий (*куйы зәңгәр* ‘густо-голубой’, *тонок ал* ‘тускло-розовый’); оттенки по светлоте – 138 названий (*акһыл йәшел* ‘светло-зеленый’, *караһыу кызыл* ‘темновато-красный’); основные цвета – 11 названий (*кызыл һары* ‘оранжевый, букв. красновато-желтый’).

Аналитические цветообозначения башкирского языка образуются лексико-синтаксическим способом по пяти моделям, в которых главным компонентом является прилагательное цвета, а уточняющим – цветообозначение, прилагательное-квалификатор или существительное (название эталона цвета):

– ЦО + ЦО: *йәшкелт һары* ‘зеленовато-желтый’, *караһыу күк* ‘темно-синий’ (580 названий);

– прил. + ЦО: *куйы зәңгәр* ‘густо-голубой’, *тонок ал* ‘тускло-розовый’ (86 названий);

– сущ. + ЦО: *балауыз һары* ‘палевый, букв. желтый, как воск’, *бакыр ерән* ‘рыжий, как медь’ (25 названий);

– сущ. + показатель сравнения + ЦО: *муйыл кеүек кара* ‘черный, как черемуха’, *ут кеүек ерән* ‘рыжий, как огонь’ (109 названий);

– (ЦО +) сущ. + *төсөндәге*: *кан төсөндәге* ‘цвета крови’, *зәңгәр күк төсөндәге* ‘цвета голубого неба’ (54 названия, в том числе без употребления прилагательного цвета).

Общее количество цветообозначений, образованных по первым трем моделям, составляет 691 единицу. Остальные две модели являются продуктивными и могут образовывать новые названия неограниченно (в текстах электронных корпусов были выявлены 163 названия, образованные по этим моделям).

Большинство аналитических форм цветообозначений образуются путем сравнения и идентификации с эталоном – объектом сравнения. В качестве предмета-эталона могут выступать названия горных пород, минералов и металлов, растений и плодов, животных и птиц, огня и связанных с ним предметов и явлений, атмосферных явлений, времени и суток, пищи и напитков, предметов быта, анатомическая, животноводческая лексика и др. (напр., *бакыр* ‘медь’, *хургаиш* ‘свинец’, *етен* ‘лен’, *үлән* ‘трава’, *сейә* ‘вишня’, *муйыл* ‘черемуха’, *күгәрсен* ‘голубь’, *һөлөк* ‘пьявка’, *ут* ‘желчь’, *кан* ‘кровь’, *болот* ‘туча’, *томан* ‘туман’, *төн* ‘ночь’, *һалам* ‘солома’, *кымыз* ‘кумыс’, *таштамал* ‘полотенце’, *казан* ‘казан’, *ут* ‘огонь’, *күмер* ‘уголь’, *кором* ‘сажа’). Эталоны, применяемые для передачи оттенка цвета и сравнения, во-первых, называют предмет, с которым ассоциируется цвет в языковом сознании народа, во-вторых, отражают прежде всего специфику окружающей его среды, образа жизни, хозяйства, быта и др.

Четвертая глава «Особенности отражения цветообозначений башкирского языка в текстах разного типа» состоит из трех разделов, посвященных анализу цветообозначений в письменных памятниках тюрков, устном народном творчестве башкир, электронных корпусах и базах данных башкирского языка, которые являются ценными в плане изучения истории развития, семантики и функционирования башкирских цветоименований.

В *разделе 4.1* рассматриваются цветообозначения-колоронимы, названия мастей животных, прямые и метафорические значения цветоименований, производные формы, зафиксированные в древнетюркских, среднетюркских, новотюркских источниках.

Древнетюркские памятники, выполненные руническим, уйгурским, арабским, согдийским, манихейским и брахми письмом, являются самыми ранними письменными источниками тюрков, напр.: орхонские (памятники Кюль-Тегину, Тоньюкуку и др., VII–VIII вв.); енисейские (памятники с

Элегеша, с Алтын-Келя, из Суджи и др., VII–XI вв.); древнеуйгурские рунические (памятник Моюн-Чуру, Карабалгасунская надпись, Терхинская и Тэсинская стелы и др., VIII–IX вв.); древнеуйгурские («Хуастуанифт», «Алтун ярук», «Ырк Битиг» и др., V–XIII вв.); караханидско-уйгурские («Дивану лугат ат-турк» М. Кашгари, «Кутадгу Билиг» Ю. Баласагуни) [Kaşgari 1939, 1940, 1941, Малов 1951, 1952, 1959, Памятники древнетюркской письменности Тувы 1963, ДТС 1969, Clauson 1972, Кляшторный 1980, 1983, СИГТЯ 2001, Ырк Битиг 2004, Кашгари 2005, Кашгари 2010, Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012, Yusuf 2019].

Исследование показало, что 17 названий цвета и масти животных, встречающиеся в древнетюркских памятниках, функционируют в современном башкирском языке:

- др.-тюрк. *qara* ‘черный, темный’ ~ башк. *кара* ‘черный’;
- др.-тюрк. *aq* ‘белый’ ~ башк. *ак* ‘белый’;
- др.-тюрк. *boz* ‘серый’ ~ башк. *буз* ‘сивый, серый’;
- др.-тюрк. *qizil* ‘красный’ ~ башк. *кызыл* ‘красный’;
- др.-тюрк. *sariŋ* ‘желтый’ ~ башк. *һары* ‘желтый’;
- др.-тюрк. *jašil* ‘зеленый, голубой’ ~ башк. *йәшел* ‘зеленый’;
- др.-тюрк. *kök* ‘голубой, синий, сивый’ ~ башк. *күк* ‘синий’;
- др.-тюрк. *ala* ‘пегий’ ~ башк. *ала* ‘пегий’;
- др.-тюрк. *al* ‘алый, ярко-красный, светло-красный, оранжевый, карий (о глазах)’ ~ башк. *ал* ‘алый, розовый’;
- др.-тюрк. *jägrän* ‘рыжий; гнедой’ ~ башк. *ерән* ‘рыжий’;
- др.-тюрк. *čaŋır* ‘пепельно-серый’ ~ башк. *сәгер* ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’;
- др.-тюрк. *qoŋur* ‘рыжеватый, каштановый; коричневый, каурый’ ~ башк. *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’;
- др.-тюрк. *qula* ‘буланный; гнедой’ ~ башк. *кола* ‘саврасый, буланный’;
- др.-тюрк. *torıŋ* ‘гнедой’ ~ башк. *туры* ‘гнедой’;
- др.-тюрк. *quba* ‘светло-бурый’ ~ башк. *коба* ‘светло-желтый, бледно-бурый, палевый’;
- др.-тюрк. *čal* ‘серовато-белый, пепельно-белый, чалый’ ~ башк. *сал* ‘седой, чалый’;
- др.-тюрк. *tarıŋıl* ‘полосатый’ ~ башк. *тарғыл* ‘полосатый’ [ДТС 1969].

В современном башкирском языке не встречаются следующие цветообозначения из древнетюркских памятников: *äsri* ‘пятнистый, пестрый’, *jaŋıŋ* ‘пестрый’, *jaŋız* ‘бурый’, *jepün* / *jepin* / *jepkin* / *jepkil* ‘ярко-красный, пурпуровый’, *örün* / *ürün* / *jürün* ‘белый, светлый’.

В памятниках древнетюркского периода зафиксировано наличие двух вариантов лексем для белого цвета – *aq* ‘белый’ и *örün* ‘белый, светлый’, которые в то время были четко разграничены по своей семантике: *aq* в

основном употреблялся для обозначения масти лошади, *örünj* – для указания на предметы белого цвета или масти других животных [Кормушин 2001: 600, Кашгари 2010: 114–152]. В современном башкирском языке для белого цвета функционирует лексема *ак* ‘белый’, которая также имеется во всех тюркских языках, кроме якутского и чувашского.

В источниках отчетливо прослеживается многозначность цветообозначений: помимо передачи цвета и масти лошади, они могут приобретать коннотативную семантику, что наблюдается и в современном башкирском языке (напр., др.-тюрк. *sarıy tañ* ‘бледный рассвет, букв. желтый рассвет’ ~ башк. *һары таң* ‘раннее утро, букв. желтый рассвет’; др.-тюрк. *qara tär* ‘обильный пот, букв. черный пот’ ~ башк. *кара тир* ‘обильный пот, букв. черный пот’).

Источники среднетюркской эпохи также содержат ценные сведения для изучения развития системы цветообозначений в тюркских языках. По языковым особенностям и ареалу распространения среднетюркские памятники условно подразделяются на следующие группы: среднеуйгурские (Словарь Ибн-Муханны, XIV в.; произведения Рабгузи, XIV в.; Среднеазиатский тefsир, XII–XIII вв. и др.); среднекыпчакские («Кодекс Куманикус», XIII – нач. XIV в.; арабско-кыпчакские глоссарии, грамматики, созданные в мамлюкском Египте в XIII–XIV вв., и др.); армяно-кыпчакские (средневековые кыпчакские памятники армянского письма XVI–XVII вв. и др.); среднеогузские («Китабе-и Дедем Коркут», XVI в. и др.); хорезмско-тюркские («Кысса-и Юсуф» Кул Гали, XIII в.; «Гулистан бит-тюрки» С. Сарай, «Мухаббатнаме» Хорезми, «Хосрау и Ширин» Кутба, XIV в. и др.); чагатайские («Дивани хикмат» А. Ясеви, рукопись XVI в.; словарь среднеазиатского чагатайского языка «Абушка», XIV–XVI вв. и др.) [Вельяминов-Зернов 1868, Houtsma 1894, Мелиоранский 1900, Абу-Наууан 1931, Bang, Rachmati 1932, Battal 1934, Поппе 1938, Яфаров 1949, Ahmed 1951, Щербак 1959, Боровков 1961, 1963, Хорезми 1961, Зайончковский 1964, Документы на половецком языке... 1967, Курышжанов 1970, Наджип 1975, 1979, Codex Cumanicus 1981, Югнеки 1985, Гаркавец 1987, 2006, 2018, СИГТЯ 2001, Toparlı 2007].

Если в среднеуйгурских, среднеогузских, армяно-кыпчакских, чагатайских памятниках имеется сравнительный материал для изучения языковых особенностей существовавших в то время разных групп тюркских языков, то в среднекыпчакских и хорезмско-тюркских источниках нашли отражение лингвистические особенности среднекыпчакского языка, который лег в основу современных кыпчакских языков, в том числе и башкирского.

В средневековых текстах зафиксированы не встречающиеся в древнетюркских памятниках названия цвета, их фонетические варианты и

значения. В текстах этой эпохи впервые появились два цветообозначения, представленные в современном башкирском языке:

– ср.-кыпч. *surī* ‘серый’ ~ башк. *һоро* ‘серый’ [Наджип 1975: 149];

– ср.-кыпч. *čeper* ‘чубарый (о масти лошади)’ ~ башк. *сыбар* ‘пестрый’, ‘чубарый’ [Курышжанов 1970: 218].

В среднекыпчакских памятниках имеет место выпадение конечного -у основы прилагательных цвета (напр., др.-тюрк. *sarıy* ‘желтый’ ~ ср.-кыпч. *sarī, saru*; др.-тюрк. *torıy* ‘гнедой’ ~ ср.-кыпч. *turu*), что характерно для современных тюркских языков огузской и кыпчакской подгрупп, в том числе и для башкирского языка.

В среднетюркских источниках впервые были описаны новые значения цветоименований (напр., *kök ot* ‘молодая трава, букв. зеленая трава’, *al lačın* ‘молодой сокол, букв. розовый сокол’) [Наджип 1975: 146, 194, Наджип 1979: 224]. Вместе с тем следует иметь в виду, что здесь можно говорить не о возникновении новых названий цвета, их форм и значений, а лишь об их первой фиксации в источниках.

В новотюркскую эпоху создаются фундаментальные лексикографические труды (напр., Л.З. Будагова, В.В. Радлова), в которых представлено уже более развернутое описание большинства значений цветоименований. Этот период отмечен также наличием памятников, характерных для определенных ареалов тюркских языков, что связано с дифференциацией языков, например, существуют тексты, выполненные на урало-поволжском тюрки («Рисала-и Газиза», 1806 г.; книга о Кисекбаше, списки XIX в.; хикматы Мавли Кулуя, XVII в.). В этот период появляются такие письменные источники, как шежере, письма, таварихи и т. д., которые отражают особенности старобашкирского письменно-литературного языка XVI–XVIII вв. (напр., «Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне», 1755 г.; «Тарих нама-и Булгар» Т. Ялысула, 1805 г.; башкирские шежере XVI–XIX вв.). Со второй половины XIX в. создаются первые грамматики и словари по башкирскому языку и др. (напр., словарь В.В. Катаринского).

В новотюркских источниках фигурируют 7 цветообозначений и названий мастей животных, не представленные в древнетюркских и среднетюркских памятниках, но встречающиеся в современном башкирском языке (*зәңгәр* ‘голубой’, *көрән* ‘коричневый’, *сантар* ‘игреневый’, *бурыл* ‘чалый, серый’, *бүртә* ‘караковый’, *кир* ‘мухортый’, *тарлан* ‘(сизый, серый) с примесью другого цвета’). В источниках рассматриваемого периода зафиксированы разные фонетические варианты названий цвета, а в словарях Л.З. Будагова и В.В. Радлова приводятся фонетические варианты всех цветообозначений (напр., *subar / čibar / čuwar / čibar* ‘пестрый’). В них также представлено большое количество аналитических цветообозначений (напр., *qujī zāngär*

‘темно-голубой, букв. густо-голубой, темно-голубой’, *tunuq jašil* ‘матово-зеленый’, букв. мутно-зеленый) [Будагов 1869, 1871, Радлов 1893–1911].

Во многих новотюркских памятниках лексема *zäŋgär* зафиксирована как цветообозначение (*zäŋgär* ‘голубой, лазоревый’, *zäŋgär küz* ‘голубые глаза’), тогда как в среднетюркском памятнике «Кодекс Куманикус» (XIII – нач. XIV в.) этим словом обозначается только вещество (*zancar* ‘ярь-медянка; ржавчина; медный купорос’ < араб.) [Toparlı 2007: 336].

Раздел 4.2 посвящен изучению цветообозначений, нашедших отражение в народной словесности башкир, где содержится богатый материал по названиям цвета, их сакральной, магической, символической семантике.

Изучение цветообозначений в текстах башкирского фольклора позволило выявить национально-культурную специфику цветообозначений и выделить ключевые аспекты их употребления: из 28 непроемных цветоименований 10 лексем обладают выраженной символической семантикой, 9 названий цвета выступают этномаркерами, 7 цветолексем участвуют в создании сакральных образов.

Символическая семантика характерна для следующих цветообозначений башкирского языка: **ак** ‘белый’ (символ счастья, чистоты, святости, доброты: *ак бәхет* ‘светлое счастье’); **кара** ‘черный’ (цвет горя, величия, зла: *кара кайгы* ‘большое горе’); **кызыл** ‘красный’ (символ здоровья, огня, достатка, плодovitости, чистоты: *кызыл кан* ‘красная кровь’); **һары** ‘желтый’ (символ тоски: *һары һағыш* ‘глубокая печаль’), **йәшел** ‘зеленый’ (символ жизни: *йәшел үләнә аяк баҫыу* ‘пробуждение природы, букв. ступить на зеленую траву’), **зәңгәр** ‘голубой’ (символ воздуха, неба и красоты: *зәңгәр күз* ‘голубоглазый’), **күк** ‘синий’ (символ неба, величия, древности: *күк Урал* ‘седой Урал’), **ал** ‘алый, розовый’ (символ утра, красоты и молодости: *ал таң* ‘алая заря’), **сәгер** ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’ (символ опасности: *сәгер күз* ‘светло-голубые, зеленовато-голубые (т.е. способные сглазить) глаза’), **ала** ‘пегий’ (символ пограничного состояния: *ала* ‘кожная проказа’) [Хисамитдинова 2010, 2011, 2016]. Как видим, эти цвета играют важную роль в башкирской культуре, с ними ассоциируются эмоционально-психологические состояния, ценностные ориентации человека.

Этномаркерами в башкирской культуре выступают следующие цветообозначения: **ак** ‘белый’ (*ак тирмә* ‘гостевая юрта’), **кара** ‘черный’ (*кара казан* ‘черный котел для вызывания дождя’), **кызыл** ‘красный’ (*кызыл билбау* ‘обрядовый пояс красного цвета’), **һары** ‘желтый’ (*һары самауыр* ‘медный самовар для вызывания дождя’), **йәшел** ‘зеленый’ (*йәшел сапан* ‘зеленый чапан’ – атрибут стариков-мудрецов), **зәңгәр** ‘голубой’ (*зәңгәр шәл* ‘голубая шаль’ – атрибут молодой девушки), **күк** ‘синий’ (*күк еләп* ‘синий зилан’ – верхняя одежда, атрибут власти) [КБЯФ].

В описании мифологических персонажей часто встречаются названия цвета и масти (*ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, *һары* ‘желтый’, *күк* ‘синий (сивый / голубой)’, *куңыр* ‘бурый’, *ала* ‘пегий’, *буз* ‘сивый, серый’, *кола* ‘буланный, саврасый’). В одном случае мифологизируются реальные животные определенной масти, например, они считаются священными и обладают сакральными качествами (*ак болан* ‘белый олень’ – священный олень, тотем; *ала карга* ‘серая ворона’ – тотемная птица; *күк буре* ‘сивый / голубой волк’ – тотем, покровитель рода у тюрков, в том числе у башкир; *Куңыр буга* ‘бурий бык’ – тотемное животное; *Акһак кола* ‘хромой саврасый’ – священный конь); в других ситуациях животные определенной окраски, наоборот, имеют отрицательное воздействие – встреча с ними сулит человеку несчастье (*кара йылан* ‘черная змея’; *кызыл йылан* ‘красная змея’); иногда персонажи того или иного цвета являются ирреальными мифическими существами, встречающимися только в поверьях (*Һарысәс* ‘букв. желтоволосая, светловолосая’ – дух воды, водяная, русалка; *Буҙат* ‘сивый конь’ – мифический небесный конь) [Хисамитдинова 2010].

Кроме вышеперечисленных этнокультурных значений, в народной словесности башкир цветообозначения активно употребляются в качестве постоянных эпитетов (*алһыу нур* ‘розовый луч’, *куңыр йөз* ‘смуглое лицо’), а названия животных практически всегда употребляются с указанием на их масть и окраску (*көрән ат* ‘бурий конь’, *ерән айғыр* ‘рыжий мерин’, *туры бейә* ‘гнедая кобыла’) [КБЯФ].

В разделе 4.3 рассматриваются особенности функционирования цветообозначений в электронных корпусах текстов и базах данных современного башкирского языка: выявляются типы лексической семантики названий цвета, их семантическая сочетаемость с определяемыми существительными, определяется жанрово-стилевая и частотная характеристики употребления каждого цветоименования в разных текстах [БПК, КБЯП, КБЯПубл].

Исследование позволило выделить немотивированные и мотивированные значения башкирских колоративов. Немотивированные значения колоративов характерны для всех цветообозначений и заключаются в обозначении ими цвета, света и масти (напр., *һары* ‘желтый’, ‘светлый’, ‘соловый’). Мотивированные значения носят вторичный характер и могут обозначать стороны света (напр., *күк* ‘запад, западный’), социальную иерархию (напр., *акһөйәк* ‘аристократ, голубая кровь, букв. белая кость’), сильную степень проявления качества (*кара һыуыҡ* ‘сильный мороз, букв. черный мороз’) и т.д. Вторичные (мотивированные) значения цветолексем главным образом связаны с основной характеристикой цветов (красный → яркий: *үтә кызыл тиз уңа* ‘букв. слишком красный быстро выцветает’;

зеленый → свежий, молодой: *йәшел үлән* ‘молодая трава, букв. зеленая трава’).

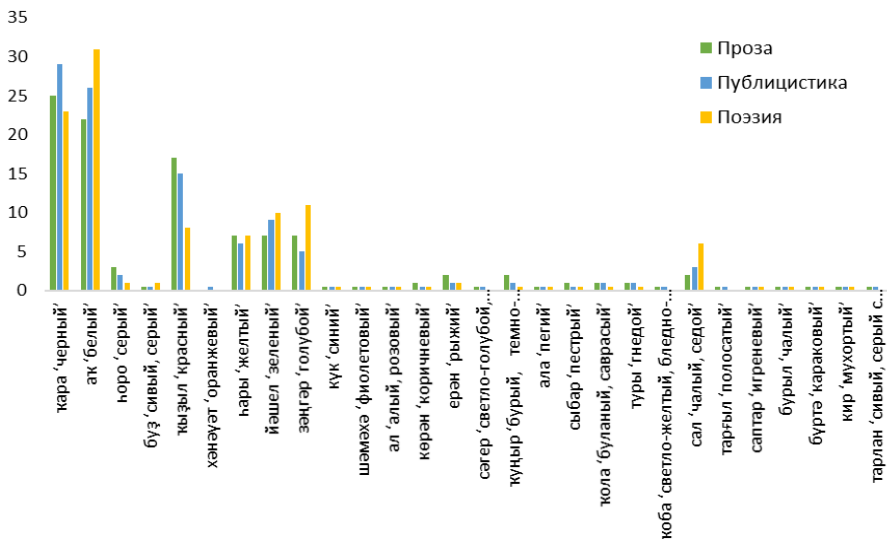
Составленный нами рейтинг колоративов башкирского языка по количеству значений показывает следующее: многозначность характерна для таких исконных цветообозначений, как *кара* ‘черный’ (36 значений), *ак* ‘белый’ (24 значения), *һары* ‘желтый’ (22 значения). Далее по убывающей следуют цветонаименования *күк* ‘синий’ (16 значений), *кызыл* ‘красный’ (13), *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’ (9), *һоро* ‘серый’ (8), *йәшел* ‘зеленый’ (8), *көрән* ‘коричневый’ (8), *ала* ‘пегий’ (7), *сыбар* ‘пестрый’ (6), *ал* ‘алый, розовый’, *буз* ‘сивый, серый’ (5), *зәңгәр* ‘голубой’ (5), *ерән* ‘рыжий’ (4), *коба* ‘светло-желтый, бледно-бурый’ (4), *сал* ‘седой, светло-серый; седой’ (3), *сәгер* ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’ (3), *кола* ‘саврасый, буланый’ (3), *тарғыл* ‘полосатый’ (2). По одному значению имеют заимствованные лексемы (*шәмәхә* ‘фиолетовый’, *хәнәүәт* ‘оранжевый’) и названия мастей лошади (*туры* ‘гнедой’, *сантар* ‘игреневый’, *бурыл* ‘чалый, серый’, *бүртә* ‘караковый’, *кир* ‘мухортый’, *тарлан* ‘сивый, серый’ с примесями другого цвета’).

Башкирские колоративы могут сочетаться со словами следующих лексико-семантических групп существительных: человек (глаза, кожа и лицо, волосной покров, зубы, губы, кровь), животный мир, растения и плоды, горные породы и минералы, небо и небесные тела, ландшафт, стихии, материи, атмосферные явления, время и календарь, болезни, пища, еда, абстрактные понятия. Высокая сочетаемость свойственна цветообозначениям *кара* ‘черный’ (сочетается с названиями, относящимися к 11 лексико-семантическим группам), *ак* ‘белый’ (10), *һары* ‘желтый’ (10), *кызыл* ‘красный’ (9), а более низкая сочетаемость присуща поздним заимствованиям *шәмәхә* ‘фиолетовый’, *хәнәүәт* ‘оранжевый’ и шести названиям мастей лошади.

Относительно лексико-семантических групп существительных, определяемых в башкирском языке прилагательными цвета, отметим, что самое большое количество цветообозначений (23 названия цвета) употребляется для описания представителей животного мира, что характеризует разнообразие и богатство фауны на территории проживания башкир. С названиями тех или иных частей тела или органов человека сочетаются 18 названий цвета (кожи и лица – 11, глаз – 9, волосного покрова – 7, губ – 3, зубов – 3, крови – 3), которые главным образом используются для описания внешности человека. Далее следуют названия растений (14), горных пород, минералов (12), ландшафта (11), что также свидетельствует о цветовом многообразии окружающей природы.

Данные электронных корпусов прозы, поэзии и публицистики выявляют определенную частотность употребления цветообозначений в текстах (диагр. 2):

Диаграмма 2. Частотность употребления цветообозначений в башкирском языке (по данным корпусов прозы, публицистики и поэзии), в %

Во всех рассматриваемых текстах башкирского языка наиболее употребляемыми оказались лексемы **кара** 'черный' (25%, 29%, 23%) и **ак** 'белый' (22%, 26%, 31%), которые называют два первостепенных ахроматических цвета, широко распространенных в природе, а также имеют множество дополнительных значений. Далее следуют цветообозначения **кызыл** 'красный' (17%, 15%, 8%), **һары** 'желтый' (7%, 6%, 7%), **йәшел** 'зеленый' (7%, 9%, 10%), **зәңгәр** 'голубой' (7%, 5%, 11%), обозначающие основные хроматические цвета и употребляющиеся активно для описания предметов. Следует отметить, в эту категорию не попало исконное цветообозначение **күк** 'синий', а вошло персидское заимствование **зәңгәр** 'голубой'. Это связано с тем, что последнее вытеснило значение 'голубой' пратюркского **gōk* 'синий, зеленый (макросиний)', называя один из распространенных в природе цветов (голубой).

Из пары **һоро** 'серый' / **буз** 'серый, сивый' в башкирском языке наиболее употребительным оказалось **һоро** 'серый', так как за словом **буз** 'серый, сивый' сохранилось главным образом обозначение масти животных. В паре

көрән ‘коричневый’ / **куңыр** ‘бурый, темно-коричневый’ чаще употребляется **куңыр** ‘бурый, темно-коричневый’, который широко применяется для обозначения цвета глаз, волос, кожи, несмотря на то что названием **көрән** ‘коричневый’ передается широкий диапазон предметов коричневого цвета.

Малоупотребительными оказались **хәнәүэт** ‘оранжевый’ (всего одно употребление в публицистике), **тарғыл** ‘полосатый’ (по два употребления в прозе и публицистике). Первое слово является арабским заимствованием, которое все еще не вошло в активный словарный запас башкирского языка, а второе называет масть лошади, редко встречающуюся в природе.

Анализ языкового материала показывает, что лексические значения, семантическая сочетаемость и частота употребления цветообозначений взаимосвязаны: чем больше значений у слова, чем выше у него сочетаемость и частота употребления в текстах. Наибольшим количеством всех трех характеристик выделились цветообозначения **кара** ‘черный’, **ак** ‘белый’, наименьшим – слово **хәнәүэт** ‘оранжевый’ и 6 названий мастей лошади.

В результате исследования выявлены различные варианты названий для фиолетового и оранжевого цветов в башкирском языке, употребляемые в текстах разных стилей и жанров:

– для фиолетового используются следующие названия: **шамәхә** – в прозе и публицистике; **миләүшә төс** ‘букв. цвета фиалки’ – в публицистике; **көрән** ‘букв. коричневый’, **көрән күк** ‘букв. коричнево-синий’, **зәңгәр күк** ‘букв. голубовато-синий’ – в диалектах; **кызыл күк** ‘букв. красно-синий’, **кызылт күк** ‘букв. красновато-синий’ – в народно-разговорной речи;

– для оранжевого применяются следующие варианты названий: **кызылт һары** ‘букв. красновато-желтый’, **әфлисун төсөндәге** ‘букв. цвета апельсина’ – в прозе; **хәнәүэт** – в публицистике; **һары** ‘желтый’, **кызыл** ‘красный’, **һары кызыл** ‘букв. желто-красный’, **һарғылт кызыл** ‘букв. желто-красный’, **кызыл һары** ‘букв. красно-желтый’ – в народно-разговорной речи.

В **Заключении** излагаются результаты проведенного анализа и формулируются основные выводы.

Лексика цветообозначений в современном башкирском языке представлена названиями, обозначающими цвет, сочетание цветов и масть лошади. В лексемах, в которых заключена семантика цвета, отражаются такие физические параметры цвета, как цветовой тон, насыщенность и светлота.

Формирование и развитие цветообозначений в башкирском языке происходит непрерывно на протяжении всей истории его развития: одни названия выходят из употребления, другие появляются в языке, третьи подвергаются семантическим изменениям. В исследуемых источниках нами было выявлено около 980 цветообозначений башкирского языка, разных по происхождению, структуре и образованию.

С точки зрения происхождения названия цвета в башкирском языке являются лексемами либо исконно тюркского (пратюркского или общетюркского), либо заимствованного генезиса. Среди них имеются цветообозначения, относящиеся как к активной, так и к пассивной лексике башкирского языка. Собственно башкирские цветообозначения главным образом представлены производными названиями.

Исследование формирования и развития семантики цветообозначений башкирского языка на фоне других тюркских языков позволило установить, что пратюркские и общетюркские значения названий цвета в башкирском языке составляют подавляющее большинство, ареальные и пракрыпчакские значения наблюдаются в незначительном количестве, собственно башкирские значения представлены мало и главным образом лишь в диалектах и говорах. Все это свидетельствует о том, что башкирский язык отделился от других тюркских языков в более позднее время, и лексика башкирского языка в семантическом плане в основном развивалась в едином общетюркском русле.

В структурно-словообразовательном плане башкирские колоративы подразделяются на непроизводные названия цвета, производные названия (со значением степени проявления признака) и аналитические. Как показывает исследование, производные цветообозначения образуются преимущественно от базовых непроизводных названий цвета, лишь в единичных случаях – от существительных и «нецветовых» прилагательных.

В диссертационной работе была определена семантическая нагрузка разных структурных типов цветообозначений: большинство непроизводных слов обозначают основные цвета и масть лошади; производные со значением степени проявления признака в основном передают оттенки цветов по насыщенности и светлоте; значительная часть аналитических цветообозначений выражают оттенки цвета и масти по цветовому тону.

Анализ текстов тюркских письменных памятников показал, что в современном башкирском языке представлены 17 непроизводных цветообозначений из древнетюркских памятников, 2 – из среднетюркских, 7 – из новотюркских. Еще 2 цветообозначения в башкирском языке появились позже – они встречаются только в современных текстах.

В устном народном творчестве башкир проявляются национально-культурные особенности колоративов: одни из них обладают символической семантикой, другие выступают как этномаркеры, третьи причастны к созданию сакральных образов.

Изучение типов лексической семантики, сочетаемости, жанрово-стилевой характеристики и частотности названий цвета по материалам электронных корпусов и баз данных башкирского языка позволило раскрыть особенности функционирования и употребления цветообозначений в современном башкирском языке.

В целом цветообозначения башкирского языка, как и другие лексические классы слов, отражают историю развития языка, заключая в себе информацию о времени появления слов, лингвистических контактах носителей языка, национально-культурном мировидении народа и др. Каждое название цвета, являясь неотъемлемой частью словарного запаса языка, к сегодняшнему дню прошло свой путь развития, предопределяющий формирование его новых значений, расширение сочетаемости с определяемыми словами и функционирование в языке.

Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

**Статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК
при Министерстве науки и высшего образования РФ по специальности
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки):**

1. Муратова Р.Т. Цветообозначение *һары* ‘желтый’ в башкирском языке: генезис, развитие и лексико-семантическая характеристика // Урало-алтайские исследования. 2018. № 2. С. 53–70 (Scopus, Q2).

2. Муратова Р.Т. Особенности употребления цветообозначений в башкирском языке (на примере лексем *көрән* ‘коричневый’ и *куңыр* ‘бурый’) // Проблемы востоковедения. 2018. № 4. С. 65–70 (БАК).

3. Муратова Р.Т. Генезис, развитие и лексическая семантика цветообозначения *кызыл* ‘красный’ в башкирском языке // Oriental Studies. 2018. Т. 39. № 5. С. 120–131 (Scopus, Q1).

4. Хисамитдинова Ф.Г., Муратова Р.Т., Ягафарова Г.Н., Валиева М.Р. Цветообозначения в башкирской топонимии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 1. С. 140–159 (WoS; Scopus, Q2).

5. Муратова Р.Т. Историческое развитие и семантика цветообозначения *аҡ* ‘белый’ в башкирском языке (на общетюркском фоне) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. Вып. 1. С. 21–31 (WoS).

6. Муратова Р.Т. Названия одноцветных мастей лошади в башкирском языке: историко-этимологический и лексико-семантический анализ // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2020. № 4. С. 72–84 (БАК, K2).

7. Муратова Р.Т. Историко-этимологический аспект изучения тюркского цветообозначения *кара* ‘черный’ // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25. № 1. С. 142–147 (БАК, K2).

8. Муратова Р.Т. Цветообозначение *кара* ‘черный’ в башкирском языке: лексико-семантический анализ денотативных и коннотативных значений // Проблемы востоковедения. 2020. № 1. С. 58–64 (БАК).

9. Муратова Р.Т. Цветообозначения *ala* ‘пегий’ и *sibar* ‘пестрый’ в башкирском языке: историческое развитие и лексическая семантика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2020. № 3. С. 65–84 (BAK, K2).

10. Муратова Р.Т. Историческое и лексико-семантическое развитие цветообозначения *al* ‘алый, розовый’ в тюркских языках // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 3. С. 714–727 (Scopus, Q1).

11. Муратова Р.Т. Аналитические формы цветообозначающей лексики в современном башкирском языке (на примере материалов электронных корпусов прозы, фольклора и публицистики) // Урало-алтайские исследования. 2020. № 4. С. 41–53 (Scopus, Q2).

12. Муратова Р.Т. Генезис, эволюция и семантика цветообозначений *kük* ‘синий’, *zäñgär* ‘голубой’, *jäšel* ‘зеленый’ в башкирском языке // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 224–238 (WoS; Scopus, Q1).

13. Муратова Р.Т. Происхождение и лексико-семантическая характеристика цветообозначения *horo* ‘серый’ в башкирском языке // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 1. С. 138–143 (BAK, K2).

14. Муратова Р.Т. Названия смешанных мастей лошади в башкирском языке: генезис, развитие и семантика // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. Кн. 1. С. 19–29 (BAK, K1).

15. Муратова Р.Т. Особенности употребления цветообозначающей лексики в древнетюркских письменных источниках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 5. С. 35–41 (BAK, K2).

16. Муратова Р.Т. Цветообозначающая лексика башкирского языка в структурно-семантическом аспекте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 3. С. 122–129 (BAK, K2).

17. Муратова Р.Т. Цветообозначение *буз* ‘сивый, серый’ в башкирском языке: историко-этимологический и лексико-семантический анализ // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 3. С. 88–96 (WoS).

18. Муратова Р.Т. Цветообозначение *сәгер* ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’ в башкирском языке: историко-этимологический и лексико-семантический анализ // Проблемы востоковедения. 2023. № 1. С. 52–56 (BAK).

19. Муратова Р.Т. Названия для обозначения фиолетового цвета в башкирском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. Т. 23. № 2. С. 68–75 (Scopus, Q1).

Другие публикации по теме диссертации

Статьи и тезисы:

20. Муратова Р.Т. Семантика цветообозначения ‘белый’ в тюркских языках Урало-Поволжья // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XVI Всероссийской конференции (с международным участием). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 185–188.

21. *Муратова Р.Т.* Значения цветообозначения 'красный' в тюркских языках Урало-Поволжья // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Материалы II Международной конференции. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 209–210.

22. *Муратова Р.Т.* Цветообозначения *синий / голубой* в тюркских языках Урало-Поволжья // Нугуман Мусин: межкультурный диалог на Евразийском пространстве. Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Уфа: ИЦ «Аэрокосмос и ноосфера», 2016. С. 200–203.

23. *Муратова Р.Т.* Цветообозначение 'зеленый' в тюркских языках Урало-Поволжья // Татарское языкознание в контексте Евразийской гуманитарной науки. Материалы Международной научно-практической конференции. Казань: изд-во Казанского университета, 2016. С. 238–242.

24. *Муратова Р.Т.* Цветообозначение 'желтый' в тюркских языках Урало-Поволжья // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XVII Всероссийской конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 169–172.

25. *Муратова Р.Т.* Цветообозначение 'черный' в тюркских языках Урало-Поволжья // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 202–204.

26. *Муратова Р.Т.* Цветообозначение 'черный' в тюркских языках Урало-Поволжья // Саммит языков и культур: сборник тезисов международного саммита языков и культур. Казань: ООО «Компания Астория», 2017. С. 54–55.

27. *Муратова Р.Т.* Лексемы для обозначения коричневого цвета и его оттенков в тюркских языках Урало-Поволжья // Традиционная культура народов Поволжья. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2018. С. 260–268.

28. *Муратова Р.Т.* Название *коба* 'светло-желтый, бледно-бурый, палевый' в башкирском языке // Гуманитарные науки в современном мире: Уракинские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции. Уфа, 2023. С. 76–78.

29. *Муратова Р.Т.* Цветообозначения в башкирском фольклоре // Городские башкиры: сохранение и развитие языка и культуры в условиях этнокультурного и языкового многообразия: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2024. С. 154–159.

30. *Муратова Р.Т.* Происхождение и лексико-семантическая характеристика цветообозначения *ерән* 'рыжий' в башкирском языке // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 2. С. 179–185.

31. *Муратова Р.Т.* Цветообозначения башкирского языка в мифологических трудах Ф.Г. Хисамитдиновой // Родной язык, культура и литература в системе образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Уфа, 2025. С. 23–26.

32. *Муратова Р.Т.* Лексика духовной культуры народов Урало-Поволжья как объект лингвогеографических исследований // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XII региональной конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 110–112.

33. *Муратова Р.Т.* Образ соловья в башкирских народных песнях // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов. Кн. 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 427–429.

34. *Муратова Р.Т.* Названия диких уток и их лирический образ в песенном творчестве башкир // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XV Всероссийской научной конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 179–181.

35. *Муратова Р.Т.* Образ хищных птиц в башкирской песенной лирике // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы VII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 375–380.

36. *Муратова Р.Т.* Образ птиц в башкирской песенной лирике // Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире: материалы I Международной научной конференции. Казань: Изд-во «Ак Буре», 2017. С. 315–317.

37. *Хисамитдинова Ф.Г., Ягафарова Г.Н., Муратова Р.Т., Валиева М.Р.* Место соматизмов в башкирской топонимии // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 157–168 (WoS; Scopus, Q1).

38. *Хисамитдинова Ф.Г., Валиева М.Р., Ягафарова Г.Н., Муратова Р.Т.* Полисемантичность фитотопонимов Южного Урала и Зауралья // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 2: Филология. С. 35–47 (Scopus, Q1).

39. *Муратова Р.Т.* У истоков башкирского языкознания (Г.Я. Давлетшин) // Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты. Сборник научных статей. Выпуск VII. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. С. 19–26.

40. *Муратова Р.Т., Вильданов И.Р.* Лексемы для обозначения мяса в тюркских и финно-угорских языках Урало-Поволжья // Научное наследие А.И. Харисова и актуальные проблемы гуманитарного знания: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2024. С. 127–129.

41. *Муратова Р.Т., Вильданов И.Р.* Названия молочных продуктов у народов Урало-Поволжья (лингвогеографический аспект) // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 883–901 (Scopus, Q1).

42. *Muratova R.T., Rakhmatullina Z.Ya.* Names of national clothes as lexical ethnomarkers of the traditional culture of the Turkic and Finno-Ugric peoples of the Ural-Volga region // ISAR Journal of Arts, Humanities and Social Sciences. 2024. № 2. Pp. 7–11.

43. *Муратова Р.Т.* Вопросы башкирского литературного языка и орфографии в научной деятельности Г.Я. Давлетшина // Вопросы башкирской филологии. Сборник научных статей. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2024. С. 35–45.

44. Муратова Р.Т. Названия украшений в тюркских и финно-угорских языках Урало-Поволжья // Труды Института системного программирования РАН. 2025. Т. 37. № 2. С. 247–254 (RSCI).

45. Муратова Р.Т. Названия мясных блюд в тюркских языках Урало-Поволжья в лексико-семантическом и сравнительно-историческом аспектах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2025. Вып. 2. С. 20–29 (WoS).

Монографии и словари:

46. Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 2 (Буква Б). Уфа: Китап, 2011. 568 с. (в соавт.).

47. Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 3 (Буквы В–И). Уфа: Китап, 2012. 864 с. (в соавт.).

48. Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 4 (Буквы Й–К). Уфа: Китап, 2012. 944 с. (в соавт.).

49. Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 5 (Буква К). Уфа: Китап, 2013. 888 с. (в соавт.).

50. Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 6 (Буквы Л–Ө). Уфа: Китап, 2014. 944 с. (в соавт.).

51. Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 7 (Буквы П–С). Уфа: Китап, 2015. 872 с. (в соавт.).

52. Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 8 (Буква Т). Уфа: Китап, 2016. 832 с. (в соавт.).

53. Муратова Р.Т. Словарь-конкорданс башкирских народных песен о Родине. Уфа, 2016. 180 с.

54. Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 9 (Буквы У–Щ). Уфа: Китап, 2017. 978 с. (в соавт.).

55. Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 10 (Буквы Ы–Я). Уфа: Китап, 2018. 980 с. (в соавт.).

56. Муратова Р.Т. Лексика башкирского песенного фольклора в этнолингвистическом освещении. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. 260 с. (в соавт.).

57. Словарь ранних русских заимствований башкирского языка. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2019. 254 с. (в соавт.).

58. Словарь ранних русских заимствований башкирского языка. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. 254 с. (в соавт.).